

**ВОРОНЕЖСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ ЖУРНАЛИСТИКИ**

К 60-летию журналистского образования
в Центрально-Черноземном регионе
и в ВГУ

БЫЛОЕ И МЫ
Журналистика и литература в пространстве культуры
Сборник статей

Воронеж 2021

УДК 070:821. 161. 1. 09

ББК 76.01+83.3

Б95

Печатается по решению Ученого совета факультета журналистики
ВГУ

Редакционная коллегия: профессор С. В. Савинков

В. В. Хорольский, доцент С. Н. Гладышева

Редактор выпуска – доцент С. Н. Гладышева

Б95 Былое и мы. Журналистика и литература в пространстве культуры. – Воронеж : Факультет журналистики ВГУ, 2020. – 104 с.

Сборник «Былое и мы» издается кафедрой журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета. Он продолжает практику публикации статей сотрудников и аспирантов кафедры журналистики и литературы, начатую профессором Л. Е. Кройчиком в 2009 г. В сборнике также публикуются материалы участников научных сессий, выступающих с докладами на конференциях факультета.

Выпуск сборника посвящен 60-летию журналистского образования в Центрально-Черноземном регионе и в ВГУ.

Расчитан на аудиторию, интересующуюся актуальными вопросами теории и истории публицистики и литературы.

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ

Д. Дробышевский (Воронеж)

Поиск конкурентных преимуществ при разработке формата отраслевого СМИ (на примере портала Profibeer, 2014–2021)

Исследователи журналистики относят отраслевые издания к наиболее консервативным типам СМИ, объясняя такой подход узконаправленной тематикой, адресованной относительно небольшой, но стабильной аудитории, связанной с определенной отраслью или сферой деятельности [12, с. 212].

Тем интереснее примеры отраслевых изданий, которые предлагают сегодня новые подходы и меняют ландшафт СМИ в своей тематике. Один из таких проектов – портал Profibeer, редакция которого располагается в Воронеже, – опирается на местные журналистские кадры и традиции. Его создала команда, тесно связанная с факультетом журналистики Воронежского государственного университета.

Profibeer всегда привлекал студентов и выпускников факультета журналистики ВГУ: Александра Китаева, Ольгу Добрынину, Екатерину Колосову, Светлану Осередько, Татьяну Ручкину. Некоторые из них впервые оказались в штате СМИ, прошли журналистскую школу именно в Profibeer.

Сейчас в штате редакции Profibeer работают четыре человека. Двое из них окончили факультет журналистики Воронежского государственного университета: главный редактор Дмитрий Дробышевский и корреспондент Яна Таранова. Редактор-переводчик Наталья Коновалова – выпускница филологического факультета ВГУ, менеджер по продажам Артем Ходыкин учится в магистратуре экономического факультета университета.

Что такое Profibeer?

Profibeer – отраслевое СМИ о рынке пива. Проект начал работу в 2014 году. Инвестиции на запуск предоставили воронежские производители и дистрибьюторы пива.

Profibeer – сегодня самое читаемое профессиональное СМИ о пиве в России. В 2020 году аудитория сайта по данным «Яндекс.Метрики» составила 1,69 млн уникальных посетителей.

В декабре 2017 года анализ с помощью сервиса Similarweb показал, что среди всех мировых сайтов, у которых есть специализированный раздел о пиве с собственными журналистскими материалами и новостями, Profibeer занимал 10-е место. В этой десятке были только два неанглоязычных СМИ – голландский Viernet и российский Profibeer.

Если убрать из этого списка порталы, для которых журналистика не является основным направлением (BeerAdvocate, Homebrewers Association), а пиво – главной темой (VinePair, The Drinks Business), среди «чистых» интернет-СМИ о пиве Profibeer занимал шестое место в мире [21]. Свои позиции портал сохранил и в 2019 году [22].

Один из известнейших российских пивоваров Владимир Наумкин писал о Profibeer: «Лучший, с моей точки зрения, сайт про пиво в России» [13]. Главный пивовар «Очаково» Андрей Мелетеев отмечал: «Profibeer – самый влиятельный сайт отрасли на русском языке» [18].

На Profibeer ссылались или привлекали редактора портала в качестве эксперта ведущие федеральные СМИ: «Ведомости» [7], «Известия» [2], «Коммерсантъ» [11], РБК ТВ [4], Forbes [5], Meduza (до признания иноагентом) [9] и другие. Комментарии редактора Profibeer использовали информационное агентство Associated Press [23], бразильский портал Guia da Cerveja [19], [20].

Ссылаются на Profibeer в научных работах, причем не только по технологии пивоварения [17], но и, например, по экономике [8].

Еще одно свидетельство высокой репутации портала: рекламу на Profibeer размещают ведущие поставщики отрасли пива, как российские (например, «Грейнрус», «Стратегия 21», Groupe Soufflet), так и международные (Atlantic C, ZIP Technologies, Fermentis и другие).

Тексты Profibeer не только описывают развитие российского и мирового пивоварения, но и влияют на решения стейкхолдеров отрасли. Приведем пример.

В 2017 году российский розничный бизнес переходил на онлайн-кассы. Закон обязывал использовать кассы нового образца с 1 июля 2017 года. При этом для плательщиков ЕНВД (а этот налоговый режим использовало большинство индивидуальных предпринимателей) действовала отсрочка до 2018 года.

Однако из-за параллельных изменений в Федеральном законе №171, который регулирует производство и оборот алкоголя, возникла коллизия. Все индивидуальные предприниматели, продающие алкоголь, должны были установить кассы к 31 марта 2017 года.

Изменения в ФЗ №171 не обязывали предпринимателей использовать именно онлайн-кассы. Однако из-за внедрения онлайн-касс нельзя было регистрировать кассовую технику старого образца с 1 февраля 2017 года.

На рынке образовался острый дефицит кассовой техники. Портал Profibeer провел опрос, который показал, что 75,6% магазинов, торгующих пивом (а это были не только специализированные точки, но и обычные продуктовые), из-за сложившейся ситуации не успевали приобрести кассы к установленному в ФЗ №171 сроку. Им грозила приостановка деятельности.

Результаты опроса Profibeer опубликовала газета «Коммерсантъ», на ситуацию обратила внимание общественная организация малого и среднего бизнеса «Опора России» [6].

Из «Опоры России» информация попала в доклад бизнес-омбудсмена Бориса Титова президенту Владимиру Путину [15]. В результате Министерство финансов РФ рекомендовало не привлекать к ответственности предпринимателей, продающих алкоголь без касс после 31 марта 2017 года, если у них имелся на руках договор на будущую поставку кассовой техники [10]. Позднее расхождения в законодательстве устранили поправками в Федеральный закон №171 [14].

Выделим ключевые решения и действия, которые обеспечили быстрый рост и лидирующее положение Profibeer среди отечественных СМИ об индустрии пива.

Максимально широкая аудитория в узкой тематике

Перед запуском издания команда Profibeer проанализировала потенциальную читательскую аудиторию и выделила в ней 13 основных сегментов.

1. Представители пивоваренной отрасли:

- *владельцы, акционеры, топ-менеджмент;*
- *крафтовые пивовары (представители нового пивоваренного движения, крафтовое пивоварение – производство нестандартного пива малыми пивоварнями с высокой долей ручного труда);*
- *технологи-пивовары;*
- *юристы и бухгалтеры;*
- *GR-службы пивоваренных компаний;*
- *PR/рекламные/маркетинговые службы пивоваренных компаний;*
- *специалисты предприятий по технологическому регулированию и сертификации.*

2. Стартаперы (только начинают или собираются начать путь в пивном бизнесе).

3. Домашние пивовары (аудитория, из которой вырастают стартаперы).
4. Любители пива, не связанные с отраслью профессионально.
5. Представители схожих отраслей: производители сидра, пуаре, медовухи, кваса, винной продукции и крепкого алкоголя.
6. Продавцы:
 - *оптовое звено;*
 - *розница.*
7. HoReCa (отели, рестораны, кафе, кейтеринг).
8. Закупщики.
9. Поставщики сырья, оборудования, тары, IT-продуктов.
10. Госорганы.
11. Аналитики, эксперты.
12. Профессиональные союзы:
 - *союзы пивоваров;*
 - *союзы, связанные с пивным рынком (рестораторов, торговли и другие);*

- *объединения и организации, не связанные напрямую с пивным рынком (Торгово-промышленная палата, «ОПОРА России» и другие).*

13. Журналисты других СМИ.

Подход к формированию аудитории команда емко выразила в формуле: «Profibeer – это деловой портал о пиве, людях, которые его варят и продают, и законах, по которым живет отрасль».

Редакция поставила перед собой цель добиться настолько широкой аудитории, насколько это возможно для СМИ, посвященного одной отрасли.

Изначально сегменты аудитории разделялись на несколько групп по приоритету. Тематическая палитра портала на старте проекта составлялась, исходя из интересов приоритетных сегментов (представители пивоваренной отрасли, стартаперы, продавцы), к которым по мере расширения ресурсов и опыта редакции добавлялись новые группы читателей.

Широкий выбор тем отражается в системе разделов Profibeer. Информационные и аналитические материалы на портале распределяются по восьми разделам:

- «Пиво Pro»;
- «Пиво Life»;
- «Законы»;
- «Технологии»;
- «Домашнее пивоварение»;
- «Бары и магазины»;

- «Вино и крепкий алкоголь»;
- «Трезвость» (раздел о вреде злоупотребления алкоголем и об ответственном потреблении).

Такой подход к формированию тематической палитры оправдал себя, о чем свидетельствуют рост посещаемости и интерес к portalу самых разных групп читателей. Опрос, проведенный в 2020 году, показал, что в аудиторию Profibeer входят:

- 41,7% – люди, которые продают и продвигают пиво в опте, рознице и HoReCa;
- 28,9% – домашние пивовары;
- 26,4% – любители пива, которые не работают в индустрии;
- 25% – профессиональные пивовары и работники пивоварен.

Сумма превышает 100%, потому что при опросе можно было выбрать несколько вариантов ответа, один человек может, например, одновременно быть и работником пивоварни, и работником пивного опта.

Нет ничего удивительного в том, что среди читателей Profibeer почти в два раза больше сотрудников опта, розницы и HoReCa, чем работников пивоварен. Производителей пива в России около 1 500, тогда как только специализированных розничных точек – десятки тысяч.

Они заинтересованы в отраслевом СМИ, потому что розничному бизнесу приходится работать в условиях быстро меняющегося рынка. Если бы редакция на старте проекта проигнорировала эту аудиторию, очевидно, что ей было бы намного сложнее достичь сегодняшних показателей.

Интернет и жанры

К 2014 году в России профессиональные СМИ о пиве делали ставку на формат печатного журнала с ежеквартальной периодичностью выхода. В ряду подобных изданий «Пивное дело» (выпускается на Украине, но распространяется и в России), «Brauwelt. Мир пива и напитков» (русскоязычная версия немецкого издания) и «Пиво и Напитки» (проект издательства «Пищевая промышленность»). В 2015 году появился еще один журнал – Real Brew, выходящий шесть раз в год.

И если на сайте «Пивного дела» тогда работала хотя бы лента новостей и была возможность купить в электронном виде материалы этого печатного издания, то на интернет-страницах других проектов размещалась только справочная информация о журналах.

Русскоязычные интернет-проекты о пиве в интернете были либо блогами и работали в первую очередь на аудиторию любителей пива, а не профессионалов (самые заметные из них – «Пивная бутылка»

Александра Иджона, «Пиво!» Павла Егорова, «Пивной культ» Юрия Катунина и некоторые другие – до сих пор активно обновляются), либо форумами для домашних пивоваров: тех, для кого пивоварение – хобби.

Несколько проектов работали на алкогольную отрасль в целом, например, «Алкоэксперт», но они на тот момент ориентировались, в первую очередь, на более «денежный» сегмент крепкого алкоголя, «водочников».

Но было очевидно, какую роль в развитии средств массовой информации в ближайшее время будет играть интернет. На фоне развития и усложнения системы отраслевых СМИ появление профессионального интернет-издания о пиве было вопросом времени. Команда Profibeer первой в России заполнила эту лагуну.

Интернет дает возможность при сравнительно небольших затратах обеспечить ежедневный контакт с читателем. В таких условиях естественно, что Profibeer сделал ставку на оперативно-новостные тексты – заметки. Для особенно резонансных новостей после публикации заметки редакция готовит еще несколько оперативных комментариев от участников рынка, экспертов, которые размещаются как отдельные материалы, – стандартная работа новостного интернет-портала, которая, впрочем, в 2014 году была в новинку для отраслевых СМИ о пиве.

Отчасти портал подхватил идеологию модных на тот момент новостных агрегаторов, для которых важна не уникальность или эксклюзивность контента, а полнота картины дня. У отрасли появился сайт, на котором она узнает все важные новости за день. Пока журналы три месяца готовят новый номер, портал выпускает 600 заметок.

Однако Profibeer не ограничивается только агрегацией важных новостей. Редакция смотрит на каждое событие через призму интересов пивоваренной отрасли и находит в них то, что ускользает от неспециализированных общественно-политических или деловых СМИ.

Например, когда депутат Государственной Думы Федот Тумусов внес на рассмотрение законопроект № 898600-7, большинство СМИ акцентировало внимание на запрете продажи алкоголя возле детских площадок, потому что именно на этой новелле базировалась пояснительная записка к законопроекту.

Но главная «фишка» этого законопроекта заключалась в другом – ограничении до 200 квадратных метров минимальной площади пивных магазинов. В пояснительной записке автор это завуалировал, но редакция Profibeer скрупулезно проанализировала законопроект, последствия его принятия и опубликовала актуальную для своей аудитории новость, выделяясь на фоне других СМИ [2].

В процессе развития редакции, получения новых знаний и опыта существенно расширилась жанровая палитра. Profibeer публикует интервью, отчеты, статьи, колонки; фокус внимания периодически смещается с наших дней на исторические материалы. Но до сих пор 90% выходящих на портале текстов относятся к жанру заметки.

Юридическая экспертиза

Profibeer появился на фоне активного изменения регулирования пивоваренного рынка в нашей стране. Незадолго до старта проекта пиво приравняли к алкоголю, включили его в сферу действия ФЗ № 171, обязали пивоваров устанавливать счетчики на производстве, ввели дополнительные ограничения розничной продажи пива. Обсуждались инициативы по лицензированию пива, ограничению ПЭТ-тары, распространению системы ЕГАИС на пивоваренный рынок, внедрению онлайн-касс, ужесточению требований к складам и другим местам хранения пива и т. д.

Процесс активного изменения регулирования рынка продолжается и сейчас: идет эксперимент по маркировке пивоваренной продукции, в Госдуме депутатов нового созыва ожидает законопроект по созданию реестра пивоваров, обсуждаются определение пива в Техническом регламенте по безопасности алкогольной продукции и введение минимальной розничной цены.

Игроки рынка пива после десятилетия относительно комфортного развития оказались в новой для себя ситуации постоянных изменений и ужесточения законодательства. Им была нужна площадка, на которой можно узнать, что, как и когда меняется в законодательстве и его применении, и что, как и когда им придется в связи с этим сделать.

Упомянувшиеся выше отраслевые профессиональные СМИ, ежеквартальные журналы, не могут качественно удовлетворить эту потребность. Их формат недостаточно оперативен для своевременного реагирования на все регуляторные изменения.

Эту нишу занял Profibeer, уделивший значительное внимание юридической стороне работы пивоваренной отрасли:

- включил в мониторинг новостных поводов все открытые системы обеспечения законодательной деятельности;
- установил связи с отраслевыми союзами и общественными организациями, занимавшимися GR;
- заключил договор с юристом, который профессионально разбирает изменения в законодательстве и отвечает на вопросы читателей Profibeer в разделе «Консультация юриста».

Редакция не оставляет без внимания ни один значимый законопроект или закон и другие нормативно-правовые акты, влияющие на отрасль, анализирует их, разбирает правоприменение, судебную практику, публикует обучающие материалы, аналитику и мнения экспертов-юристов.

Иностраннный опыт, журналисты и пивовары

Перед запуском проекта редакция Profibeer изучила опыт зарубежных изданий. В первую очередь внимание уделялось интернет-порталам США, т. к. именно в этой стране сегодня самый динамично развивающийся рынок пива и самая развитая и разнообразная структура отраслевых СМИ о нем.

Американский опыт повлиял, в частности, на язык Profibeer. В то время как материалы российских отраслевых СМИ для профессионалов были перегружены технической, биологической, химической, экономической терминологией, заокеанские коллеги объясняли сложные вещи простым языком.

Редакция переняла этот подход. Но чтобы написать просто о сложном, нужно хорошо разобраться в теме. Первый месяц после создания редакция работала, не публикуя материалы. Все это время команда читала тематическую литературу, отраслевые СМИ, блоги и приступила к непосредственно редакционной работе тогда, когда накопила первоначальную базу знаний.

Но почему бы просто не сформировать редакцию из пивоваров, специалистов по продажам, технологов с профильным образованием? Практика показала, что наиболее успешные отраслевые СМИ создают редакции, в которых костяк составляют профессиональные журналисты, а профильные специалисты выступают в качестве интервьюируемых, комментаторов, колумнистов, внештатных авторов. Журналисты создают ежедневный поток материалов, профессионалы добавляют в него глубину и экспертность. Если же проект остается в руках отраслевых профессионалов без поддержки журналистов, страдают оперативность, непрерывность, читабельность, упаковка, дистрибьюция либо все сразу.

Изучение опыта иностранных отраслевых СМИ также помогло прийти к пониманию, что в мире пива происходит революция. Зародившееся в США так называемое крафтовое движение, вызвавшее появление мощной волны новых пивоваров, распространяется по континентам и странам и к 2014 году пришло в Россию.

30 апреля 2014 года на сайте появился первый материал с упоминанием такого явления, как «крафтовое пивоварение» [1]. А 30 мая

2015 года в Москве прошел первый фестиваль Big Craft Day, ставший вехой для российского крафтового движения. Появление Profibeer совпало с моментом, когда крафтовое пивоварение в России начало быстро расти, а наша страна стала все более заметной частью мирового движения.

Интерес аудитории к крафту, огромные накопленные по теме знания в иностранных источниках побудили редакцию ввести в штат редактора-переводчика. Благодаря этому Profibeer оперативно рассказывает обо всех актуальных трендах рынка пива еще до того, как они приходят в Россию: мидах, смузи-пиве, пастри-стаутах, хард-зельцере и других. Востребованы аудиторией портала и переводы материалов иностранных изданий, в этом Profibeer схож с изданиями об IT-бизнесе, такими, например, как vc.ru.

СМИ как сервис

Важным свойством эволюции интернет-СМИ в 2010–2020 гг. стало развитие сервисной составляющей. Это характерно и для отраслевых СМИ. Один из наиболее ярких примеров – портал «Банки.ру», который получил миллиард рублей выручки от своих сервисов [16].

Портал Profibeer также активно развивает сервисные элементы. На старте проекта заработал раздел «Календарь». Достаточно типичный для отраслевых СМИ элемент, но от того не менее эффективный и удобный для читателя.

Еще один сервис на сайте – «Консультации юриста», о котором уже рассказывалось в разделе про юридическую экспертизу.

Также Profibeer подготовил ряд справочников, среди которых выделяется подборка переводов мировых классификаций пива, в том числе самой известной из них – ВJСР (стилевая классификация «Программы сертификации пивных судей»). Редакция подготовила перевод последней версии ВJСР от 2015 года, тогда как на русском до того была доступна только устаревшая версия 2008 года.

Вызовы

Profibeer сегодня остается самым читаемым профессиональным СМИ о пиве на русском языке, но в последние два года его читательская аудитория заметно не растет.

Это связано с рядом факторов, общих как для всех СМИ, так и для конкретного сегмента отраслевых СМИ о пиве.

1. Общие факторы:

- уход новостной журналистики в мессенджеры и соцсети, что бьет по формату новостного портала, в котором работает Profibeer;
- смещение потребления контента в интернете от текстовых к аудио- и, в первую очередь, видеоформатам;
- изменение алгоритмов работы соцсетей и других платформ («Дзен», «Яндекс.Новости» и т. д.), которые стремятся удерживать пользователей и минимизировать переходы на внешние ресурсы или заставляют СМИ платить за дистрибьюцию контента.

2. Отраслевые факторы:

- «выгорание» аудитории портала из-за постоянных изменений в законодательстве. Изменений так много, происходят они так часто, что читатели теряют к ним интерес, занимают пассивную позицию;
- запрет на рекламу алкоголя серьезно ограничивает возможности отраслевых интернет-СМИ о пиве в платной дистрибьюции контента. Такие распространенные инструменты как таргетированная или контекстная реклама, для них де-юре закрыты;
- запрет на рекламу алкоголя также побудил участников алкогольного рынка к активному созданию и дистрибьюции собственного контента. Развиваются корпоративные СМИ, страницы в соцсетях, блоги, YouTube- и Telegram-каналы. Появилось новое поколение блогеров, вдохновленных крафтовой революцией, и ряд тематических каналов на «Дзене», в продвижении которых заинтересована сама платформа. С одной стороны, такой рост расширяет потенциальную аудиторию отраслевых СМИ. С другой, аудитория предельна, как и то количество времени, которое она может потратить на потребление контента.

Сегодня редакция Profibeer встала перед необходимостью скорректировать тот формат отраслевого СМИ, который обеспечил ее лидерство в предшествующие шесть лет.

Литература

1. 40 сенаторов США поддержали уменьшение федерального налога на малые пивоварни вдвое: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/beer/414/> (дата обращения: 30.08.2021).

2. Алексеев Д. Крепко взялись: насколько подорожает алкоголь в 2021 году: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://iz.ru/1138481/dmitrii-alekseev/krepko-vzialis-naskolko-podorozhaet-alkogol-v-2021-godu> (дата обращения: 30.08.2021).

3. В Госдуму внесли законопроект об ограничении минимальной площади пивных магазинов: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/law/v-gosdumu-vnesli-zakonoproekt-ob->

ogranichenii-minimalnoj-ploshhadi-pivnyx-magazinov/ (дата обращения: 30.08.2021).

4. Демидович П. Реальная экономика. Выпуск за 14 октября 2016. Консолидация пивоваров: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://tv.rbc.ru/archive/real_econoimics/5800e70e9a79472d2c383848 (дата обращения: 30.08.2021).

5. Дробышевский Д. По нижнему краю. Как падение цен на пиво стало проблемой: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.ru/biznes/366497-po-nizhnemu-krayu-kak-padenie-cen-na-pivo-stalo-problemoj> (дата обращения: 30.08.2021).

6. Дуленкова А. Кассы не пропускают пиво: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3240605> (дата обращения: 30.08.2021).

7. Кунле М. Законопроект о пластиковой таре для пива перенесли на осень: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2014/07/01/zakonoproekt-o-plastikovoj-tare-dlya-piva-perenesli-na-osen> (дата обращения: 30.08.2021).

8. Мартыанова О. В. Влияние акцизной политики на эффективность деятельности организаций пивной отрасли в условиях экономической неопределенности // Актуальные проблемы налогообложения и развития ключевых сфер экономики. Сборник научных статей VI Всероссийской научно- практической заочной конференции с международным участием. Пенза, 2015. С. 105 – 112.

9. Медведева А. В России меняют требования к пиву – производители смогут использовать меньше солода и больше сахара. Это очень плохо?: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2018/12/05/v-rossii-menyayut-trebovaniya-k-pivu-proizvoditeli-smogut-ispolzovat-menshe-soloda-i-bolshe-sahara-eto-ochen-ploho> (дата обращения: 30.08.2021).

10. Минфин в официальном письме предложил ФНС, РАР, МВД и Роспотребнадзору не наказывать за отсутствие ККТ: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/law/16058/> (дата обращения: 30.08.2021).

11. Мишина Е. Спирт больших достижений: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/3200087> (дата обращения: 30.08.2021).

12. Молчанова О. И. Влияние медиаконвергенции на управление редакцией отраслевого издания // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Социально-экономические науки. 2018. №2. С. 211 – 221.

13. Наумкин В. Пивные университеты: где и как научиться пивоварению: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://journal.tinkoff>.

ru/strange-brew/ (дата обращения: 30.08.2021).

14. Пивным ИП на год отсрочили онлайн-кассы: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/law/27898/> (дата обращения: 30.08.2021).

15. Пивовары обсудили с уполномоченным при президенте проблему онлайн-касс и ГОСТов: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/law/15775/> (дата обращения: 30.08.2021).

16. Скрынникова А. Из СМИ в сервис с выручкой 1 млрд рублей в год: эволюция «Банки.ру»: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://vc.ru/finance/67676-iz-smi-v-servis-s-vyruchkoj-1-mlrd-rublej-v-god-evolyuciya-banki-ru> (дата обращения: 30.08.2021).

17. Таран О. Ю., Вагнер В. А. Разработка рецептуры и исследование свойств тыквенного эля // Современные проблемы техники и технологии пищевых производств. Материалы XIX международной научно-практической конференции (22-23 марта 2018 г.). Барнаул, 2018. С. 156–159.

18. Что читать, чтобы знать о пиве всё?: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ochakovo.ru/media/chto-chitat-chtoby-znat-opive-vsyo/> (дата обращения: 30.08.2021).

19. Balcão da Copa: Rússia vive revolução das cervejas artesanais: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://guiadacervejabr.com/russia-vive-verdadeira-revolucao-das-cervejas-artesanais/> (дата обращения: 30.08.2021).

20. Não é só vodka: Dicas para tomar boa cerveja na Rússia: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://guiadacervejabr.com/dicas-para-tomar-cerveja-na-russia/> (дата обращения: 30.08.2021).

21. Profibeer вошел в десятку самых читаемых мировых интернет-СМИ о пиве: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/beer/30367/> (дата обращения: 30.08.2021).

22. Profibeer второй год подряд удваивает свою аудиторию: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://profibeer.ru/beer/profibeer-utoroj-god-podryad-udvaivaet-svoyu-auditoriyu/> (дата обращения: 30.08.2021).

23. Zuniga R. Pint by pint, a hoppy revolution is brewing in Russia: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://apnews.com/article/a0ff82ae892742c6ad4fd3340c394a71> (дата обращения: 30.08.2021).

Институт омбудсмена в СМИ и социальных сетях

Институт Уполномоченного по правам человека в России молод.

Отсчет истории института омбудсмена в мире ведется с 1809 года (Швеция). В нашей же стране такой пост был введен только более чем через 180 (!) лет. Да и становление шло сложно. 22 ноября 1991 года Верховный совет РСФСР принял Декларацию прав и свобод человека и гражданина, статья 40-я которой предусматривала создание должности Парламентского уполномоченного по правам человека, но должность так и не была введена из-за распада СССР. Затем должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации была введена Конституцией России 1993 года. Однако возник проблемный момент с назначением на нее. В 1996 году Совет Федерации отклонил принятый Государственной Думой Российской Федерации федеральный конституционный закон «Об уполномоченном по правам человека в Российской Федерации», предусматривающий право федерального Уполномоченного создавать на местах свои региональные представительства. (Было предложено заменить это право на право региональных властей создавать у себя должности уполномоченных по правам человека в субъекте Федерации и финансировать их за счет средств региональных бюджетов.) Когда в 1997 году вступил в силу новый проект закона, одобренный Государственной Думой, уже был принят закон о региональном Уполномоченном в Башкирии (1996). С 2001 года началось массовое введение в российских регионах должностей омбудсменов, которое длилось несколько лет. В Воронежской области пост уполномоченного по правам человека введен региональным законом от 30 июня 2010 года № 66-ОЗ «Об уполномоченном по правам человека в Воронежской области».

Такие пути формирования института омбудсмена повлияли и на систему освещения деятельности как федерального, так и региональных омбудсменов.

Отличительной ее чертой стало отсутствие единого координирующего центра: в регионах институт омбудсмена существует как независимая инстанция, он не подчиняется федеральному центру. Как следствие – отсутствие общего опыта (в отличие от систем освещения деятельности структур МВД, прокуратуры, Следственного комитета и др.). Это позволяет в каждом регионе уполномоченному по правам че-

ловека (УПЧ) самостоятельно формировать систему информирования о деятельности омбудсмена с учетом повестки дня и спектра проблем, присущих конкретному региону.

Наиболее актуален круг тем, в число которых входят:

- нарушение прав лиц, содержащихся в местах принудительного содержания граждан;
- содействие лицам, чьи права нарушены сотрудниками правоохранительных органов;
- участие омбудсменов в восстановлении политических и экологических прав, прав национальных и сексуальных меньшинств;
- защита прав детей-сирот и инвалидов.

Однако в повседневной деятельности любому уполномоченному приходится решать гораздо большее число вопросов.

Стоит отметить определенную специфику информирования о деятельности института омбудсмена. Подготовка материалов (если это не сообщение о каком-либо отдельном мероприятии, например проведении круглого стола, научно-практической конференции, семинара, урока по теме прав человека в школе, рабочей встречи и т. п.) в большинстве случаев требует знания юридических аспектов. В пресс-релизах, информирующих о деятельности омбудсмена, как правило, фигурируют полные названия нормативных актов, точные выдержки из закона. Перевести их на так называемый «разговорный язык», сократить зачастую не представляется возможным. В условиях, когда для большинства СМИ важно максимальное упрощение текстов, журналисты либо пытаются перефразировать специализированную информацию, что нередко приводит к искажению смысла, либо просто не используют ее.

Подготовка аналитических материалов на тему защиты прав человека также требует понимания процессов, происходящих в сфере правозащиты не только в отдельном регионе, но и в России, а порой и в мире в целом, знания сложившейся юридической практики.

Также есть определенные сложности с «горячей» информацией. Ведь не всегда возможно дать объективную оценку событию сразу после того, как оно произошло. Нужно разобраться в нем, проанализировать документы, а не просто эмоции и точки зрения участников событий. На разрешение проблемы в сфере защиты прав человека, как правило, требуется значительное время, тогда как представители СМИ нацелены опубликовать материал в наиболее короткие сроки.

Отмечу и такой аспект: если речь идет не о сенсации, к которой требуется комментарий, нет яркой картинки: движения, динамики,

споров, то тема, как правило, оказывается малопривлекательной для тележурналистов. Между тем деятельность омбудсмана по своей сути изначально далека от скандалов и особой зрелищности.

Если же, например, осуществляется выезд в пенитенциарное учреждение (что потенциально интересно для представителей ТВ), то в большинстве случаев съемки оказываются невозможны не только из-за ведомственных запретов, но и по причине соблюдения права граждан на изображение (не каждый человек стремится широко афишировать такую страницу своей биографии, как судимость).

Также необходимо учитывать то, что ряд ситуаций может быть предан огласке только в опосредованном виде, во избежание нарушения Закона РФ от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных».

В практической деятельности приходится учитывать все эти особенности. С их учетом особую актуальность в информировании населения о деятельности омбудсмана приобретает официальный сайт. Интернет-ресурс выполняет функцию своего рода ведомственного СМИ. Он выступает как источник информации о деятельности УПЧ для региональных журналистов, населения, позволяет вести разъяснительную и просветительскую работу, способствует привлечению внимания органов власти, общественных организаций к острым проблемам в сфере прав человека.

Стоит отметить, что, например, на сайте уполномоченного по правам человека в воронежской области размещается информация обо всех происходящих событиях и проводимых мероприятиях. Рубрики самые разноплановые: «Содействие реализации прав», «Восстановление прав», «Просвещение», «Нормотворчество», «Взаимодействие с государством», «Взаимодействие с обществом», «Международное сотрудничество» и т. д. Все это в комплексе делает деятельность омбудсмана максимально прозрачной.

Особую роль в информировании о деятельности института уполномоченного по правам человека играют социальные сети. Деятельность омбудсменов находит отражение в Твиттере, ВКонтакте, Одноклассниках, Инстаграм. Использование возможностей соцсетей позволяет увеличить аудиторию и расширить ее состав, анонсировать проводимые мероприятия, информировать о проделанной работе, дать более полное представление о событиях, происходящих в правозащитной сфере, в том числе в рамках международного сотрудничества.

Интересным представляется опыт использования омбудсменами Инстаграма. В ряде случаев информация подается от первого лица. Это дает представление о деловых и, что очень важно, человеческих

качествах государственных правозащитников, делает их более близкими и понятными для подписчиков. В качестве примера можно привести аккаунты Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации Татьяны Москальковой, Уполномоченного по правам человека в Пермском крае Павла Микова, Уполномоченного по правам человека в Рязанской области Натальи Епихиной, Уполномоченного по правам человека в Мурманской области Михаила Шилова.

Журналисты могут использовать посты в Инстаграм в качестве комментариев.

Также данная социальная сеть позволяет за короткое время довести актуальную информацию до населения. Такую же возможность предоставляет соцсеть ВКонтакте.

Твиттер дает возможность освещать события в режиме реального времени, а также пропагандировать официальный сайт, размещая ссылки на публикации. Что касается воронежского опыта, то в этой соцсети появились зарубежные подписчики, установлены новые профессиональные контакты, следствием которых стало международное сотрудничество.

Точность в деталях и искажение общей картины мира в СМИ (о проблеме журналистского этического идеала)

В этических медийных кодексах всех стран утверждается идеал непредвзятого объективно-научного подхода к анализу действительности, осуждается клевета и обман, защищается презумпция невинности, право на свободу слова. Медийное событие в идеале основано на достоверных данных о реальности, которая доступна здравому смыслу, разуму нормального человека, подлежит интерпретации, факт-чекингу и т. д. Этико-эстетический идеал в СМИ, думается, логично рассматривать в трех аспектах: а) когнитивном, б) ценностном, в) знаково-символическом.

В первом случае особую роль играет «красота правды», возможность членов сообщества свободно получать и распространять любую информацию, не охраняемую Законом. Во втором случае журналист защищает гуманность, доброту, мудрость и т. п., то есть отстаивает те культурные общечеловеческие ценности, которые были накоплены в ходе исторического развития общества. Знаково-символический уровень этического идеала связан с методами и способами идентификации «хорошего» журналиста. Какие поступки, жесты и стили можно считать идеальными, достойными подражания? И что такое ложь в СМИ – неизбежность функционирования системы или же пороки отдельных личностей? Каков этический идеал современной журналистики? Как работают журналисты в этико-правовом поле информационного общества, каковы критерии нашей медийно-потребительской (духовно-нравственной) компетентности? Какие этические ошибки совершают работники СМИ, добывая и распространяя актуальную информацию? Эти вопросы помогают, как представляется, полнее охарактеризовать эволюцию правдивых/неправдивых МТ в условиях рыночной демократии, глобализации и технотронной революции. Об этом и пойдет речь ниже.

Медийный текст (МТ) базируется на проверенных фактах, но любая интересная мысль, любой штрих, мнение, сплетня, домысел и т. п. – все это тоже может быть событием в СМИ, причем не только в желтых. Разграничивая жизненные и медийные события, говоря об их изоморфности, об их возможной похожести на другие, но в то же время и непохожести на то, что было раньше, мы должны иметь в виду принципиальную невозможность медийного толкования всех жизненных со-

бытий, уже потому, что не все тайное становится явным. А это один из факторов непредумышленной лжи или непреднамеренной полуправды.

Важен и лингвистический аспект проблемы: языковые прегрешения журналистов хорошо известны, но сетевая публицистика дает новые факты для переоценки некоторых старых идеалов. Расплывчатость этико-правовых критериев, естественно, не отменяет тяги к идеалу, к завоеванию максимального доверия аудитории. При всей лжи, заполонившей СМИ, аксиомой остается требование социальной ответственности: только помня о высоких целях, можно достичь высот в журналистике. Еще в начале XX века возник лозунг-идеал: приносить благо обиженным и «обижать» благополучных. Другими словами, защита слабых сегодня означает оппозицию по отношению к сильным мира сего. Отсюда и вытекает самоочевидный вывод о гуманизме как фундаменте этического и эстетического идеала журналиста.

На Западе, как отмечают ученые, сегодня существует три основных подхода к способам регулирования деятельности СМИ: американский, британский и французский. Американцы всегда боролись против предварительных ограничений и цензуры, опираясь на первую поправку к Конституции («Конгресс не будет принимать законов, ограничивающих свободу слова или печати»). В то же время законодатели США не отрицают возможности предварительных юридических ограничений, если в материалах журналистов содержится «очевидная и реально существующая опасность» для государства. Есть и технические приемы ограничения свободы слова (например, расширенное толкование понятий «государственная тайна», «личная жизнь», «диффамация» и т. д.). В то же время журналисты США считают, что законодательство их страны – самое либеральное по отношению к деятельности массмедиа. В роли внутреннего цензора выступает этика журналиста.

В Англии существуют законы и статутные правила (т. е. нормы, устанавливаемые актами парламента), которые регулируют работу журналистов более жестко, чем в США. Кроме того, если сравнивать этико-правовые особенности жизни в двух странах, надо вспомнить о вековых традициях, выковавших британский меч правосудия и изощренную мораль «среднего класса». Англичанин не просто чтит, но боготворит Закон и мнение микросреды, цеха, коллег. Журналист задается вопросом, не что он должен написать, а что он может написать, чтобы юрист дал добро на публикацию. Французский вариант контроля над СМИ еще более жесткий. Здесь существуют строгие рыночные механизмы, позволяющие государству активно вмешиваться в «хозяйственные» дела СМИ. Все три подхода сочетают идеи свободы слова с понятием «социально-ответ-

ственного» журналистского труда, о котором исследователь Э. Лэмбет справедливо писал как о ремесле, в котором главное – профессиональная ответственность и внутренний кантовский императив. Американский исследователь справедливо отграничивает профессиональную ответственность врача или юриста от журналистского долга, что можно проиллюстрировать следующим примером. Долг врача не позволяет пускать в операционную людей без специальной подготовки, а журналистика допускает «любопытство» обывателя, пишущего в газету. Юрист, нарушив закон или моральную норму, может лишить жизни невинного человека, а журналист может «убить» с помощью пера репутацию, но крайне редко – самого человека. И все же профессиональная этика работников СМИ имеет вполне очевидные очертания, аксиомы и задачи. Объективно существует представление об этическом идеале, о той системе критериев и оценок, которые позволяют судить о путях и нормах совершенствования личности «человека пишущего».

Если редуцировать дискуссии и свести их к самому малому, то можно представить выводы в виде пяти законов-аксиом:

1. Честность и аккуратность. Необходимо давать сбалансированный и правдивый отчет о происходящем.

2. Конфликт интересов. Не писать ради личной выгоды.

3. Обманывать нельзя. Преднамеренная ложь – преступление.

4. Приватность – право каждого. Неприкосновенность частной жизни – закон.

5. Защита источников информации. Журналист обязан заботиться о людях, дающих ему сведения, особенно если есть угроза личной безопасности [5; 6; 10].

Отечественные авторы (Р. Бухарцев, В. Теплюк, Д. Авраамов) в системе ценностей журналистики особо выделяют «правду», причем Д. С. Авраамов указывал, что «правда-истина» (т. е. фактография, адекватное отражение реальности) не всегда совпадает с «правдой-справедливостью» (т. е. «благородным идеалом» гуманности, равенства и братства) [1, с. 135]. Иногда на страже точности информационных текстов стоит закон. В случае клеветы и доказанной лжи журналисты вызываются в суд и наказываются. Но тем не менее проблема достоверности фактов, а следовательно, и доверия (даже к новостям качественных СМИ), остается острой. Действительно, смысл работы СМИ заключается в правдивом, объективном информировании граждан о происходящих событиях, о мнениях людей, о сути бытия и т. д. СМИ продают особый духовно-прагматический, но в некотором смысле и мистический «неизглаголемый» (А. Блок) товар, который трудно уподоблять продаже

товаров широкого потребления в материальной сфере жизни. Новости, в отличие от продуктов питания или мебели, гораздо активнее влияют на формирование внутреннего мира людей, их вкусов, идейных запросов и т. п. Отсюда вытекает принципиальное следствие: отбор новостей и событий для анализа в СМИ имеет существенное воспитательное и прогностически-духовное значение для человечества. Исследователь Д. И. Дубровский в связи с обсуждением функций недолжного дискурса обмана, отмечает: «Одна из важнейших социальных функций обмана состоит в том, что он способен обеспечивать возможность сохранения наличных коммуникативных структур в условиях расходящихся или практически несовместимых интересов» [7].

Ложь в СМИ стала привычной, но для удобства целесообразно, думается, выделить несколько базовых видов журналистского лганья, каждый из которых требует особого подхода при его анализе. Наиболее опасна прямая ложь с целью манипулирования общественным сознанием. Это ложь «криминальная», с которой борется уголовный кодекс (проповедь расизма, фашизма, диффамация и т. п.). Главнейшим этическим проступком каждого автора является умолчание о важных сведениях с целью получения выгоды. Иногда подобное умолчание о некоторых вещах безопасно с социальной точки зрения, но молчание об этих же вещах в других ситуациях может вести к скрытой лжи в виде недомолвок и сокрытия истины, которая насуточно необходима обществу. Это сложнейшая проблема личного этического выбора. И только честные журналисты решают проблему в интересах общества, а не в личных или корпоративно-личных интересах. Увы, идеальных людей маловато...

Преступна и непреднамеренная ложь, оскорбляющая общественную мораль, например бескорыстная проповедь пользы наркотиков, хотя здесь много небесспорных случаев. Третьим видом лганья может оказаться честное заблуждение журналиста, исказившего истину по незнанию. Как правило, закон в этом случае молчит, однако нравственность страдает. И еще один вид лганья – преувеличение, оговорка, «святая ложь». Юбилейные материалы полны комплиментов, которые не всегда соответствуют правде. Тут панацея проста: неучастие в коллективном самообмане. Хорош тот автор, который имеет неопровержимые доказательства своей правоты, умеет собрать интересные сведения без нарушения законов и норм, способен отказаться от дешевой славы и денег. Но это идеал. На практике мы сталкиваемся с людьми, а не с ангелами.

Историческое бытие и индивидуальная экзистенция ставят на первое место, «идеализируют» добро, говоря об «истине-правде» как обозначении не только истинности в значении «результата» гносео-

логической деятельности, но и как о знаке (признаке) эмоциональной установки на честное освещение событий, в чем видят идеал «справедливости» в общественной жизни. И данный этический оттенок смысла термина для журналистов часто важнее когниции. Это легко объяснить. Точность фактов не гарантирует объективности и «честности» медийных текстов (МТ) и медийных дискурсов (МД), фактография не спасает вторую древнейшую профессию от манипуляций и лжи уже потому, что существует закон отбора информации и принципы ее фильтрации в массмедиа. Всегда была, есть и будет цензура и/или самоцензура. Всегда были и будут субъективизм, полет фантазии, оговорки, по-разному трактуемый контекст.

В работах политологов давно установлено, что в политике тоже, увы, ложь не считается исключением или большим грехом [12; 16]. Весьма любопытно мнение политолога В. П. Пугачёва: «В целом в истории человечества действует определенная закономерность: чем больше расходятся интересы управляющих и управляемых, тем более неприемлемым в общественном сознании является применение в политике и управлении физического принуждения, грубой силы; чем шире возможности правящей элиты использовать скрытые методы и технологии управления и чем большими способностями для этого она обладает, тем в большей степени в политической жизни страны используются методы скрытого управления массами (т. е. активная или пассивная ложь, лицемерие неточности, умолчания)» [12, с. 64].

Приведем также авторитетное мнение философа А. К. Секацкого, который в главе «Обмен обманом как всеобщий фон коммуникации» *своей* известной работы «Онтология лжи» верно отметил: «Человек – первый и единственный пока субъект, сумевший обжить, обуздать квазипространство лжи и сделать его измерения измерениями собственного сознания. Родовые признаки сознания «сапиентного» типа – способность генерировать ложь и неразрушаемость ложью» [14, с. 147]. Автор исследования справедливо подчеркивал, что «серая суровая нить, из которой соткана канва «общения», не является исключительно нитью истины, но точно так же далека она от осмысленной стратегии обмана. Истина и ложь – все это уже вышивка по канве. Основным же наполнителем каналов общения... служит стихийная импровизация мысли, или безудержное производство версий» [14, с. 148].

Следует полностью согласиться с этим постулатом, ибо практика подтверждает его аксиоматичность. Ложь и истина живут вместе, и в первую очередь не в коммуникативных процессах, а в самой реальности. Творческий акт проживания в мире людей нельзя помыслить

без святой лжи (врач обязан приукрашивать перспективы больного, мужчина идеализирует любимую женщину, политик рисует светлое будущее и т. д.), «жить с истиной невозможно» [11]. Примечательно, например, что в английском языке есть понятие «белой лжи» (white lie), которая неизбежна в любом языке и культуре. Автор этих строк долгое время считал святой ложью, направленной на стимулирование трудового энтузиазма, обещания лидеров хрущевского времени построить коммунизм к 1980 г., но позже, повзрослев, назвал действия и слова политиков тех лет самообманом и частично преднамеренной ложью, способом укрепления режима. Во многом ложь оказалась живучей из-за эффективности советской пропагандистской машины, производящей многие образцы геббельсовской системы внушения, основанной на имманентном страхе личности перед мощью государства. Но есть и корпоративная ложь, которая на первый взгляд может показаться честным заблуждением. Приведем развернутый пример.

Даже качественные СМИ при освещении конфликтов на Ближнем Востоке не смогли быть беспристрастными и объективными. Казус вышел с освещением событий в Ливии, о котором писали и у нас [13]. На сайте BBC Британии 20 октября 2011 г. был опубликован материал «Libya's Col Muammar Gaddafi killed, says NTC» (Убили полковника Ливии Муаммара Каддафи, утверждает НТС). Вот сокращенный текст новости: *«Экс-лидер Ливии Муаммар Каддафи был убит после нападения в Сирте, говорят чиновники переходного правительства Ливии. Исполняющий обязанности премьер-министра Махмуд Джабриль объявил о смерти, а затем добавил, что полковник был убит в перестрелке между сторонниками Каддафи и борцами переходного правительства. Он подтвердил, что Муаммар Каддафи был взят живым, но умер от пулевых ранений по дороге в больницу»* [17].

Сенсационная новость о смерти лидера Ливийской Джамахирии имеет явный политический подтекст: Запад, давно ожидавший смерти тоталитарного вождя, воспринял это сообщение как закономерный итог народного восстания. Контекстом являются непосредственные боестолкновения повстанцев и правительственных войск (непосредственный контекст) и исторические события далекого и недавнего прошлого. К таковым относится, например, операция «Каньон Эльдорадо», бомбардировка города Триполи западной авиацией после террористического акта 1986 года. В СМИ США в 2011-2012 гг. постоянно проводилась параллель между атаками на Триполи, причем факт бомбардировки столицы Ливии в 1986 году считался законным. Поэтому смерть М. Каддафи, который был «назначен» ответственным

за террористические атаки 1980-х гг., стала медийным мотивом с положительными коннотациями. Создавался образ типичного злодея, хотя в 2000-е годы тот не поддерживал террористов, а с Усамой Бен Ладеном враждовал.

Доказательной базой рассматриваемого сообщения из Ливии служит ссылка на авторитетный источник. Есть в этом МТ иллюстрация – любительское видео, которое не имеет четкого изображения, лишено ясной «картинки». Журналист BBC News Рана Джавад сообщает из Триполи, что «жители на улицах столицы размахивают флагами и аплодируют из окон своих автомобилей», т. е. в МТ изображалась радость победителей без указания на горе толпы его сторонников, не было плюрализма мнений. Кадры любительской видеозаписи, загруженные на YouTube, подтверждают, что Каддафи был захвачен живым. После захвата и побоев, о которых западные журналисты заговорили позже, Каддафи, как сообщили корреспонденты BBC, был помещен в машину скорой помощи. Но был ли он жив в тот момент? Оказывалась ли помощь?

Свидетели говорили, что он скончался от ран по дороге. Звучит неубедительно, если сопоставить с данными арабских СМИ, утверждавших, что группа изуверов подвергла бывшего диктатора пыткам. В Интернете замелькали кадры, подрывающие официальную версию. Но об издевательствах при задержании Каддафи западные журналисты заговорили значительно позже, после сообщений канала «Аль-Джазира», после публикаций в сирийской прессе, после протестов российских дипломатов и некоторых западных качественных изданиях, в том числе и в официальных СМИ. В теленовостях США событие было подано преимущественно как ритуальное убийство тирана восставшим народом, но это полуправда. Умолчание как прием использовалось при ответах на вопрос: а кому было выгодно кровопускание? Или это было искреннее заблуждение западных журналистов? Что угодно, но не чистая правда. Версия, но не истина! История показала, что кроме народа событие творили военные преступники, авантюристы, политики и прочие люди, не думающие о правде и честности. Ритуал обернулся гражданской войной. Усилилась и психолого-информационная война между Востоком и Западом. В этой войне телевидение исполняет роль первой скрипки. Медиатизация конфликтов стала важнейшим коммуникативным процессом в международной жизни конца прошлого и начала нынешнего века.

Ритуализация теленовостей, как известно, помогает приобщению личности к истории, к Большим событиям, доказывающим нашу причастность к созданию приемлемого компенсирующе-успокоительного

мифа о бытии. Одобряемый большинством медиапотребителей (символический) порядок, подкрепляемый СМИ и виртуально-знаковой природой журналистской информации, означает на практике устойчивый политический миропорядок. «Лишь бы не было войны», – вот мифологема большинства рядовых граждан, позволяющая манипулировать ими. Так, например, вслед за нашими политиками многие соглашались с распространяемой СМИ ложью об отсутствии российских солдат в Донбассе в 2014 году. Потом факт признали, но стали говорить об отсутствии там регулярной армии, что тоже можно назвать лингводемагогией. А официальный Киев в ответ долгое время врал о бандах террористов в ДНР и ЛНР. Пресса Украины долгое время врала о безобидности и даже полезности националистических идей С. Бандеры, которого идеологи сделали национальным героем вопреки историческим фактам. Те же элементы пропагандистского вранья легко обнаружить в сирийском антитеррористическом дискурсе. И США, и РФ, и ЕС в сегодняшней исторической ситуации не стали гарантами непредвзятого диалога о проблеме. Полемика приняла характер открытого конфликта, мало-правдивого спора, в котором никогда не рождается истина.

Многие, зная о неточности МТ, принимают журналистские сообщения с оговоркой: мол, все лгут, но плюрализм и разные оттенки лжи дают шанс с помощью критического анализа и грамотной интерпретации контекста увидеть в кривом зеркале СМИ частицы, осколки правды. Это тоже заблуждение, охотно тиражируемое СМИ. Как известно, медиаинформация, особенно в эпоху ТВ, потребляется в шаблонных форматах, содержащих продукцию массового производства, что характерно для массовой культуры в целом. МТ обычно не дифференцирует события по значимости, отдавая предпочтение экспрессии нарратива. Обилие банальных новостей обезкураживает медиакритиков. Это один из неуничтожимых источников так называемого «информационного шума», коммуникативного шлака, препятствующего успешному общению людей посредством СМИ.

К сожалению, в СМИ все чаще тривиальное и преходящее выдается за значимое, а то и вечное. Ныне журналист, выверяющий точность своих материалов, уступает место более универсальному, вечно спешащему и безответственному работнику медиасферы, при этом репортер все чаще становится посредником (модератором или «медиатором»), сборщиком готовых (и нередко кем-нибудь препарированных) фактов, а публицист классического образца подчас уступает место пропагандисту или, в лучшем случае, узкому специалисту, профессионалу в обсуждаемой области знаний, но не агитатору-идеологу. Отсюда и идейная

расплывчатость нейтральных комментариев, при всем внешнем объективизме не препятствующих распространению лжи.

Рынок уже отреагировал на эти перемены в массмедиа. Тиражи газет идут вниз. Кризис доверия к СМИ свидетельствует о тупиковом варианте эволюции журнализма. Общеизвестной тенденцией стал рост недоверия к любым СМИ в условиях распространения сетевых коммуникаций и стремительного увеличения объемов транслируемой информации. Об этом, например, упомянул глава СЖР В. Богданов, выступая в 2010 г. на Всемирном журналистском конгрессе в Кадисе (Испания). Он отметил, что «когда медиа теряют доверие, это все равно, что камень, преградивший путь к роднику. Люди за чистой водой пойдут в другое место. И они идут» [3, с. 5].

Парадокс состоит еще и в том, что в обыденной жизни средний читатель (слушатель, зритель) склонен одновременно и верить, и не верить СМИ, доверять и не доверять всем журналистам сразу, включая в их число и телеведущих, и руководителей проектов, и владельцев каналов. Слабая подготовленность аудитории к скрупулезной работе с МТ тоже релевантна. Массовая печать и элитарные журналы зародились в эпоху, когда существовала острая потребность в объективной информации, однако лучше продавалась информация развлекательная, а если говорить о сегодняшнем положении дел, то существует резко возросшая массовая потребность в развлечении и отдыхе, поэтому лучше покупается продукция желтых СМИ. Именно поэтому популярны не «Новая газета» или «Известия», а «Экспресс-газета», «Мегаполис-новости». А есть еще в киосках «Ступени Оракула», «The Sun» и еще много-много других газет, которые продолжают сомнительными способами завоевывать умы читателей и приносить солидную прибыль своим издателям. Традиционная элитарная культура подменяется привнесенным извне суррогатом, плодом эпохи самоцельного консьюмеризма. Таким образом, преобладающая идеология массмедиа основывается на рыночном постулате «деньги – мера ценности СМИ», навязывание потребительских моделей масскульты помогает власти управлять наслаждающейся толпой. Это тоже один из источников неправды в СМИ.

Нельзя привлекать к суду тех, кто искажил факты по незнанию или глупости, но этические выводы делать необходимо. Важен и лингвистический аспект проблемы: языковые ляпы журналистов хорошо известны, недомолвки и неточные прогнозы являются сейчас привычной практикой. Вместе с тем, думается, важно отметить, что сетевая публицистика дает новые факты для переоценки некоторых старых

идеалов общения. Американские исследователи определили, например, что не менее 10% SMS-сообщений содержат ложь, но это далеко не всегда намеренный обман. Чаты полны непреднамеренных лживых посланий, отражающих иллюзорность мировидения их авторов. Интернет-реклама еще более лжива, чем реклама в традиционных СМИ. Трагедии тут пока нет. Сам факт бесконечной смены повестки дня позволяет смывать и удалять огромное количество искажающей информации. Но звонок тревоги слышен.

Еще один квазипарадокс. Кривда дозированная, например, лесть, помогает общаться. Compliment и преувеличение достоинств юбиляра никем не осуждаются. А что делать тем, кто терпеть не может иллюзий и лицемерия? Тут панацея проста: неучастие в коллективном самообмане. Помочь при разоблачении неточностей может знание ложных умозаключений, которые нормальный человек создает в процессе языкового манипулирования. Люди не знают, как анализировать тексты, подтексты и затексты МД. Потребителя обмануть нетрудно, он сам «обманываться рад» и заказывает золотые сны, сотканые из *псевдо*-фактов для показа *псевдо*-жизни! Декларируемая верность факту в СМИ соседствует с количественным преобладанием фантомов, рекламной иллюзорности и откровенной политической пропаганды. И повинна в этом не только власть. Слишком много журналистов работают ради куска хлеба с маслом, забыв о высоких целях профессии, о своей человеческой миссии. Слишком много в материалах профессионалов, особенно в провинциальных СМИ, лакейства, приблизительных суждений, да и откровенно ложных неточных данных.

Сделаем предварительные выводы.

Намеренно лгущий в своих статьях ученый – это явно нехороший человек. Лгущий журналист или врач – не всегда злодей. Порой, хотя и очень редко, обстоятельства принуждают к умолчанию, к сокрытию фактов. Теоретически мы можем требовать, чтобы СМИ сообщали «правду и только правду». Это линия горизонта, к которой все мы обязаны идти. Но все мы знаем, что говорить только правду журналисты не могут: такова специфика профессиональной этики. Ложь в СМИ стала привычной, даже неизбежной, весь вопрос состоит в мере лганья, в добровольном отказе работников массмедиа от злонамеренной лжи и сознательного искажения истины. А заблуждения, неосознанная ложь и полуправда являются атрибутами медийной коммуникации. Это бесспорно, хотя и не радует.

Отсюда и высокий процент недоверия к новостям и к СМИ в целом. Целесообразно, думается, рассматривать проблему доверия ау-

дитории к масс-коммуникативным процессам в связи с культурным тупиком, вызванным неудачными рыночными преобразованиями, а также в связи с мировым кризисом ценностей. Так как всеобщая ложь деформирует идеал журналистики, то создатели новостей много времени тратят на комментарии и мнения, принадлежащие авторитетным людям, омбудсменам, что частично компенсирует нехватку авторитетного Слова и дополняет воздействие медийной информации на общественное сознание. Это заслуга СМИ как социального института, но она же усиливает социальный конфликт, нагнетая страсти, превращая комментарий в скрытую, манипулятивную акцию, а часто и в живую обманку, в дурную пропаганду. Соотношение правды деталей и общего искривления картины мира делает СМИ источником когнитивного диссонанса для миллионов потребителей медиапродукта.

Можно сделать вывод о необходимости усиления этического давления на СМИ ради ограничения зоны распространения дезинформационных дискурсов. Важен, на наш взгляд, и тезис о необходимости воспитания критически мыслящей аудитории. Грамотная культурософская интерпретация приемов манипулирования и журналистского лганья помогает объяснять парадоксы медийной коммуникации, и здесь мы видим немало достижений. Но открытым остается вопрос о терпимости социального морального сознания к полуправде, умолчаниям, софизмам и банальностям обыденного речевого поведения. Нравственный императив не требует от нас нетерпимого отношения к маленьким неправдам. А это любопытная и еще не до конца проясненная проблема для психологов, культурологов и коммуникативистов.

Литература

1. Авраамов Д. Профессиональная этика журналиста. Парадоксы развития, поиски, перспективы. М., 1991.
2. Алтунян А. Г. Анализ политических текстов. М., 2006.
3. Богданов В. Наш путь к чистой воде // Журналистика и медиарынок. 2010. №5. С. 5-9.
4. Бодрийяр Ж. Реквием по массмедиа // Поэтика и политика: Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. М.-СПб. : 1999. С. 193–222.
5. Боллинджер Д. Истина – проблема лингвистическая // Язык и моделирование социального взаимодействия / Общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987. С. 23–27.
6. Вайнрайх Х. Лингвистика лжи // Язык и моделирование социального взаимодействия / Общ. ред. В. В. Петрова. М., 1987. С. 44–87

7. Дубровский Д. И. Обман. Философско-психологический анализ: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.dubrovsky.dialog21.ru/nauchnye_texty/obman1.htm#O_1_4 (дата обращения 1.09.2021).
8. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии. Пер с англ. М., 2014.
9. Знаков В. В. Неправда, ложь и обман как проблема психологии понимания // Вопросы психологии. 1993, № 2. – С. 54–59.
10. Ленец А. В. Коммуникативный феномен лжи: лингвистический и семиотический аспекты (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... докт. филол. наук. Ростов-на-Дону. 2010.
11. Ницше Ф. Об истине и лжи во внеэтическом смысле // О пользе и вреде истории для жизни. / Ф. Ницше. – Минск, 2003: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fil.wikireading.ru/34287> (дата обращения 03.09.2021).
12. Пугачёв В. П. Технологии скрытого управления в современной российской политике // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2003. № 3. С. 64–72.
13. Сапунов В. И. Манипулятивные технологии зарубежных телеканалов в освещении конфликта в Ливии // Акценты: новое в массовой коммуникации. Воронеж, 2011. № 3-4. Воронеж, 2011. С. 85–93.
14. Секацкий А. К. Онтология лжи. СПб., 2000.
15. Шаховский В. И. Человек лгущий в реальной и художественной коммуникации // Человек в коммуникации: аспекты исследования. Волгоград, 2005. С. 173–204.
16. Чернобров А. Жить не по лжи // Сибирский педагогический журнал. 2012. №4. С. 37–44.
17. Libya's Col Muammar Gaddafi killed, says NTC: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-africa-15389550> (дата обращения 01.09.2021).

II. ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

*Ба Харон Абдулрахман Хассан Абдулрахман (Воронеж),
В. В. Хорольский (Воронеж)*

Влияние ислама на развитие йеменского Интернета в условиях экспансии арабо-мусульманской культуры

Арабо-мусульманская культура активно влияет на СМИ Ближнего Востока, о чем неоднократно писали теоретики и историки массовых коммуникаций, в частности – арабские исследователи журналистики [3; 4; 7]. Цель нашей статьи состояла в том, чтобы конкретизировать специфику развития йеменского сектора Интернета, который в большой степени зависит от общеарабских социокультурных проблем и от эволюции концепции Нового международного информационного порядка (НМИП), переживающей очередной кризис.

Объектом рассмотрения стали СМИ Йемена 2010–2021 годов, особенно журналы и сетевые материалы, такие, например, как BaraqishNet, Al-Masdar Online, Ma'rib Press, Al-Tajeer Net, Net Press, Laha.com (<http://www.lahaonline.com/articleshtm.1138/View>, 2014). Особенно интересным показался мусульманский сайт Al-Sahva.Net., много сообщающий о разногласиях в разных группах мусульман.

Сегодня для СМИ Йемена важен вопрос реактуализации старых мусульманских традиций, который сегодня звучит как вопрос о появлении новых веяний в религиозной сфере, что ведет нередко к переоценкам роли ислама в мире. Призыв «возврата к корням», о котором публицисты Арабского Востока писали давно, натолкнулся в эпоху Интернета на нежелание сторонников медийной глобализации жить только согласно традиционным понятиям. Еще в конце прошлого века литератор и видный деятель йеменской культуры Хассан Лаузи писал: «Все уважают традиции и обычаи предков, но не все согласны жить по законам Шариата» [6, с. 7]. Позже похожие мысли высказал религиовед Ахмед Абдул Малик Аль-Макрами, утверждающий, что «фанатизм ослепляет» [3].

Споры в СМИ стали обыденной формой политизированных дискуссий, которые в самом начале этого века перешли в гибридные гражданские противостояния и даже в боестолкновения, как это случилось с восстанием хуситов [4, с. 52–65]. Спор разгорелся из-за конфликта в «коридорах власти» объединенного государства: полно-

мочия представителей северян и южан не были распределены справедливо. Произошел раскол и в рядах религиозных деятелей. Против сепаратизма хуситов на Юге Йемена выступает исламистская партия «Ислах», издающая массовую газету «Аль-Ислах», где, наряду с партией атеистов, которая известна как Йеменская социалистическая партия, клеймит желающих разрушить единое государство, основанное в 1990 г. Истинный исламский путь («манхадж аль-ислямий»), согласно ортодоксальным мнениям, распространяемым многими журналистами, обеспечивает право на труд и благосостояние, но требует послушания и смирения. Об этом писали в Сети шейх Мухаммад бин Исмаил Аль-Омрани, сторонник фундаментализма в вере [Цит по: 5, с. 83].

Другим актуальным вопросом, который в связи с исламской тематикой обсуждают журналисты, можно считать живучесть племенных традиций, традиций людей, помнящих о свободной доколониальной жизни кочевников, с одной стороны, и, с другой стороны, наличие активного желания молодежи обновить законы поведения в быту и в общественной жизни, как это наблюдается в европейских странах. Это не конфликт поколений, но конфликт идеологий. Первую линию противостояния в спорах о роли ислама можно условно назвать позицией традиционализма, а вторую – позицией новации. Но между двумя полюсами споров о путях развития, как обычно в массмедиа, располагаются теории и мнения умеренных мусульман разных регионов и групп, которые придерживаются неортодоксальных взглядов. Например, в универсально-развлекательных газетах и эстетических журналах рубежа XIX-XX веков («Аль-Биляр», «Аль-Расед», «Ар-Рай», «Аль-Аруба», «Аль-Фунун» и др.) вопросы религии и культуры освещаются довольно регулярно и либерально, хотя тиражи этих изданий, как правило, невелики, их удельный вес в духовной жизни невелик.

Говоря о статистике, лежащей в основе идейной полемики в обществе, можно констатировать следующее: мы знаем, что почти 99% жителей Йемена – мусульмане, причем самую большую часть мусульман составляют сунниты, до 60%. Шиитов, преимущественно зейдитского стиля мышления, около 40%. Всего в стране проживают, по данным 2021 года, 30 858 586 человек, из них мусульмане составляют 30 578 936 человек, причем, согласно последним данным, рождаемость в стране уже много лет превышает смертность. В день рождается на 2 тысячи человек больше, чем умирает. Это ведет к процентному увеличению доли молодежи. Сторонников индуизма в Йемене 185 140 человек, буддисты не определяют стиль жизни в обществе, но к ним относятся терпимо. Христиан – 61 713 чел., и тут наблюдается тле-

ющий конфликт, который ведет иногда к столкновениям. Остальные граждане, число которых не превышает 1-2 % [4, с. 52–65], это атеисты, иудеи и другие. Всех йеменцев роднит использование литературного арабского языка, ставшего базой культурной эволюции. Вопросы развития современного арабского литературного языка привлекают внимание таких арабских исследователей, как Абдалла Мухаммед аль-Хумейдан, Ахмед ад-Дабиб, Тамам Хасан и др.

На сегодняшний день арабский язык является официальным языком 22 государств, которые входят в Лигу Арабских Государств (ЛАГ), основанную в 1945 г. Арабский язык существует в двух основных вариантах – в книжном и устном, причем это варианты, которые требуют изучения. Не всякий горожанин понимает сельского бедуина. А. Шарбатова отмечала: «Отражением языковой ситуации в арабском мире является диглоссия значительной части населения, которое в семье и при непосредственном общении усваивает диалектные языки, а через школу, средства массовой информации – арабский литературный язык. Характер взаимоотношений этих форм языка существенно изменился под воздействием социально-политических преобразований после второй мировой войны» [8, с. 101–102].

В связи с ролью языкового фактора в развитии медиакультуры и национальных СМИ нельзя не упомянуть, что арабизация культуры в Африке не предполагает массового изучения языка Корана.

В Йемене, как и в странах Магриба, культура строится не только на арабском языке. Конечно, в эпоху глобализации важное место в СМИ занимают европейские языки, на которых издаются газеты в Адене и Сане, а также помещается англоязычная информация в сетевых изданиях и блогах (Yemen Times, Yemen Observer и т. п.). Медийная глобализация предполагает интенсивное взаимодействие и в то же время конкуренцию разных культур и языков. Рубеж XX–XXI веков ознаменовался дальнейшим распространением в Йемене ценностей европейских стран, англоязычного культурного стандарта. Публицист Ахмед Ассифи критиковал восточную медлительность, призывал учиться у Запада там, где речь шла о технологиях. Такие газеты, как «Аль-Ахбар» («Новости»), «Ассияса», «Сабах Аль Хаир», «Аль-Китабу Азхаби» и др. действительно являются передовыми во всем арабском мире и в первую очередь о стране судят именно по эти изданиям. Йеменский ученый и публицист Али аль-Вазир выступал в журнале «Аль-Фунун» со статьями о путях исламской цивилизации. В работе «Дирасат ас-сунан аль-ильхавийя ва аль-муслим аль-илахиис аль-муасыр» («Исследование тысячелетней истории мусульманской религии и культура суннитов»)

[1, с. 5], ставшей одной из первых в Йемене научно-популярных религиозных публикаций, он указал на необходимость диалога с христианством и массовой культурой Запада. Идеал ислама он видел в обществе Медины (первое государство мусульман).

В статьях Ахмеда Абдалла Ассифи и Абд ар-Разакааль-Басира, посвященных исламской культуре, Сайт BaraqishNet редко отслеживает события, происходящие на международной арене и в крупных городах Йемена, но реакция на международные новости в Сети всегда есть. Работа этого сайта, проводимая в рамках строгой достоверности и языковой цензуры, может быть символом качественной журналистики в Сети. Главный редактор сайта Мустафа Абдулла подвергался репрессиям со стороны хуситов, которые требовали сделать сайт их рупором. При этом лидер хуситов Ахмед Хамед требовал допустить политическую цензуру.

Йеменские СМИ хорошо знакомы Западу благодаря литературе и искусству. Йемен – это не периферия арабо-мусульманского мира, а одна из очень выдающихся в культурном плане стран. В годы колонизации язык Корана был потеснен европейскими языками. Шрифты были унифицированы, фонетика была упрощена. Как известно, слова в арабском языке пишутся справа налево. Числа пишутся слева направо. Буквы одного слова соединяются друг с другом, как будто они нанизаны на нить, натянутую вдоль нижней линии строки. Стиль публикаций в Сети и в «бумажных» изданиях не всегда одинаков: интернет-материалы более открыты устной речи, встречается обценная лексика.

Язык сетевых СМИ Йемена сохраняет верность традиции арабо-мусульманской культуры, не отвергая опыт Запада и не препятствуя новациям. Во-вторых, преодолеть «дигитальный разрыв» поможет растущий интерес к Сети со стороны молодого поколения, язык которого значительно отличается от эталонного арабского языка. Найти внутреннюю меру в соотношении традиции и новации помогает наука о специфике человеческого общения в сети. Необходимо сочетать строгий литературный язык и молодежный стиль изложения, направленный на популяризацию сложных понятий, но с опорой на нормированный язык СМИ.

Статистика о йеменском секторе в Сети такова – всего пользователей в 2018 году было 2,3 млн человек, т. е почти 15 % взрослого населения, из них мужчин 76 %, женщин 24 %. Половина пользователей имеют высшее образование, возраст пользователей в основном от 15 до 35 лет. Около 40 % всех пользователей имеют возраст от 21 года до 25 лет. Это очень важный показатель, который говорит, что молодежь сегодня является целевой аудиторией рекламодателей, политиков, религиоз-

ных деятелей. Наиболее активны сегодня официальные сайты – Йемен Пресс-4, Al Sahwa-2. Религиозные сайты – Al-Sahva.Net, Usubalia Net и др., повествующие о благодати Аллаха, стали привычны для молодежи.

Сравнение культур и массмедиа Арабского Востока и Запада позволяет увидеть общие черты и существенные различия в развитии разных регионов современной мировой медиакультуры и журналистики. Изучение общемировой культуры, соединяющей глобальное и локальное, является важным делом не только для ученых, но и для публицистов, популяризирующих духовный прогресс, для журналистов, оповещающих публику о фестивалях, спортивных событиях, кинопремьерах, новых книгах. Религиозная культура сливается с медиакulturой, так как проповедь идей пророка Мохаммеда остается и сегодня долгом большинства редакций СМИ. Журналист и блогер Юсри Аль-Агури, отвечающий за электронную программу чтения новостей для новостных сайтов Йемена (Net Press), считает, что количество новостных сайтов в 2013 г. превысило число 250.

Читая ленту новостей из Йемена, можно увидеть наличие тревожных фактов. Вот пример. Журналист Самир Хасан пишет: «В Йемене совершено нападение на кортеж губернатора южной провинции Аден. По данным телеканала Аль-Джазира, рядом с кортежем губернатора взорвался заминированный автомобиль. Чиновник остался жив» [9]. Подобных событий много. Но вера в ислам не одобряет такие действия, ислам не должен ассоциироваться с террором.

Выводы. Изучение особенностей языка и стиля йеменского Интернета, сравнение национальных особенностей интернет-коммуникации с достижениями западной медийной индустрии позволяет сделать два вывода. Во-первых, религиозная жизнь важна для йеменцев, она является частью духовного наследия прошлого, древняя культура мусульман с помощью медиа изучается и сегодня очень активно, и это отражает законы развития СМИ в 2015-2021 годы. Во-вторых, противоречия ислама выражают суть перехода от модели традиционных обществ к модернизированным моделям социального развития, что совпадает и с эволюцией глобализации в мире.

Литература

1. Аль-Вазир Ибрахим Ибн Али. Постижение Бога через молитву. Бейрут, 1982. (на араб яз.).
2. Аль-Имад Факир Мухамед. Особенности истории развития йеменских СМИ // Вестник Воронежск. гос. ун-та. Серия: Филология. Журналистика. 2021. № 3. С. 84–86.

3. Ахмед Абдул Малик Аль-Макрами. Фанатизм ослепляет: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lahaonline.com/articleshtm.1138/View>, 2014 (на араб яз.).
4. Ба Харон Абдулрахман Хассан Абдулрахман. Журналистика Йемена вчера и сегодня: к проблеме новых медиа на арабском Востоке // Журналистика развивающихся стран: переходный этап эволюции. Воронеж, 2019. С. 52-65.
5. Бенхаbib С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру: пер. с англ. / С. Бенхаbib [под ред. В. Л. Иноземцева]. М. 2003.
6. Лаузи Хассан. Слово в номер // Новый Йемен. 1991. Март-апрель. С. 5–8. (на араб яз.).
7. Хорольский В. В., Кожемякин Е. А. Media Education, Media Industry, Mass Media Theory: Interrelations and Conflict of Interests Media Education (Mediaobrazovanie). 2019. № 59(2). Р. 269–277.
8. Шарбатова А. Литературный язык и диалекты в арабской художественной литературе // Народы Азии и Африки. 1982. №2. С. 101–104.
9. Al-Sahva.Net.

«Все тот же осточертевший жаргон»: И. А. Бунин о советской печати

1917 год стал рубежным в жизни и творчестве И. А. Бунина. Февральскую революцию он поначалу встретил в целом сочувственно, но очень скоро разочаровался в ней, не веря в быстрое построение демократии на «голом месте». Как и многие представители русской интеллигенции, Бунин отнесся враждебно к Октябрьской революции, которую воспринял как национальную катастрофу, знаменующую для писателя начало гибели России, на глазах превращающейся в «сумасшедший дом в аду» [2, с. 71].

Бунина отталкивало от революции чудовищное насилие, когда «Святейшее из званий», звание “человек”, опозорено, как никогда» [2, с. 192]. В «Обращении к Ромену Роллану» он с полной ответственностью заявлял: «Мы ненавидели в ней (революции. – С. Г.) то, что мы всегда ненавидели и будем ненавидеть и впредь: тиранию, произвол, насилие, ненависть человека к человеку, одного класса к другому, низость, бессмысленную жестокость, попрание всех божественных предписаний и всех благородных человеческих чувств, короче говоря, торжество хамства и злодейства» [3, с. 265]. Он неоднократно утверждал, что для него неприемлемо вводить «взамен синайских скрижалей и Нагорной проповеди, взамен древних божеских уставов нечто новое и дьявольское» [3, с. 150], как это сделали большевики в советской России.

Находясь с 1920 г. в эмиграции, Бунин вел активную общественно-политическую деятельность, выступал с лекциями, регулярно печатал статьи в периодических изданиях. Его материалы появлялись не только в парижских («Общее дело», «Последние новости», «Возрождение», «Россия», «Россия и славянство»), но и в берлинских газетах («Руль»), в многочисленных журналах.

Непримиримость Бунина по отношению к новой власти в России выразилась и в том, что, определяя свой статус по отношению к покинутой родине, Бунин в лекции «Миссия русской эмиграции» настаивал на термине «эмигрант», поскольку «<...> мы так или иначе не приняли жизни, воцарившейся с некоторых пор в России, были в том или ином несогласии, в той или иной борьбе с этой жизнью и, убедившись, что дальнейшее сопротивление наше грозит нам лишь бесплодной, бессмысленной гибелью, ушли на чужбину» [3, с. 148].

В публикациях Бунина заметно крайнее неприятие советской власти и ее вождей. В дневниках публициста часто цитируются решения, постановления новой власти. Например, скупая запись от 28 апреля 1919 г.: «Вчера по постановлению военно-революционного трибунала расстреляно 18 контрреволюционеров» [2, с. 180]. Факт так ярко иллюстрирует жестокость и бесчеловечность советской власти, что не нуждается в комментариях публициста.

Тем не менее Бунин следит за событиями в России. Часто в своих статьях он приводит статистику, выдержки из докладов, пишем: «По всей России – великое обнищание, десятки миллионов умирающих с голоду, острый недостаток одежды, обуви, медицинской помощи, холод, холера, тьма, тиф, сифилис...» [3, с. 132], или там же: «Да и вообще всюду в работе – разврат, лень, бессовестность... Всюду воровство, взяточничество, грабежи, убийства, особенно много убийц среди молодежи... <...> Ужасно вообще ожесточение сердец: во время метелей у порогов мужицких изб находят десятки замерзших прохожих, которых не пустили погреться, переночевать ни в одну избу...» [3, с. 132–133].

Неприятие Буниным советского строя распространяется и на прессу большевиков, которая являлась их главным идеологическим оружием. В его дневниках, записных книжках, которые велись еще в России, много упоминаний о советской прессе: «Тон газет все тот же – высокопарно-площадный жаргон, все те же угрозы, остервенелое хвастовство, и все так плоско, лживо так явно, что не веришь ни единому слову и живешь в полной отрезанности от мира, как на каком-то Чертговом острове» [2, с. 68]. Он не устает повторять: «Совершенно нестерпим большевистский жаргон» [2, с. 74].

В его дневниках – множество цитат из советских газет. Перечитывая их уже в эмиграции, он восклицает: «Ах, какая злая и пошлая чепуха!» [3, с. 71]. Вот некоторые записи: «Распоряжение о выдаче “всем трудящимся” по восьмушке горохового хлеба, – в городе был ужасный голод, и рядом воззвание: “Граждане! Все к спорту!..”» [3, с. 71]. Или: «“Декрет об изъятии у буржуазии всех матрацов...” Объявление войны “империалистической Венгрии...” “Мировая свора буржуазной сволочи напрягает последние усилия...”» [3, с. 72].

Просматривая советские газеты, случайно попавшие в Париж в 1920 г., Бунин замечает: «Все то же, буквально все то же, что с тоской, болью, отвращением читал в восемнадцатом году в Москве, а в девятнадцатом в Одессе» [3, с. 72]. По его мнению, «трудно представить себе более скудный и паскудный трафарет» [3, с. 72], чем

советская пресса. Читая номера «Правды» за июль и август 1920 г, Бунин с негодованием восклицает: «какая еще бездна ужасающей пошлости, лубочной смехотворности и нестерпимой, адовой скуки во всем этом “красном”!» [3, с. 73] Он иронизирует над тем хвастливым тоном, которым полны их статьи. «Все тот же осточертевший жаргон, все та же яростная долбня трех-четырех мыслишек, все та же заборная грубость, все та же напыщенность самого низшего разбора, самый “высокий стиль” рядом с самой площадной бранью, все те вопли, восклицательные знаки, аншлаги аршинными буквами, все та же превосходящая всякую меру наглость в лживости, которой буквально пропитано каждое слово, каждый призыв, каждый “лозунг”, каждое сообщение, все та же разнузданная до тошноты хвастливость, все та же видимость бешеной деятельности, все та же страшная в своей маниакальности и в своей неукротимой энергии обезьяна, остервенело, с пеной у рта катающая чурбан, – и все та же гнусная и жуткая действительность, явствующая в каждой газетной строке и чуть не в каждом заголовке!» [3, с. 74]. Удручает его и то, что ничего не изменилось в практике деятельности прессы большевиков: «И так – из номера в номер, изо дня в день, из недели в неделю – и нет конца, нет краю этому кошмарному блудословию!» [3, с. 74].

Подобный взгляд на советскую прессу присутствовал во многих публикациях русского зарубежья. З. Н. Гиппиус утверждала, что на родине «нет свободы ни слова, ни передвижения, и вообще никаких свобод» [5, с. 218], по ее мнению, советские «газеты – ложь сплошная» [5, 331], в них «понять ничего нельзя абсолютно, а слова те же – “додушить”, “раздавить” и т. д.» [5, с. 208]. К. Д. Бальмонт в очерке «Без русла» подчеркивал, что в советской России «право растоптано», «слово несвободно», нет «первооснов человеческой справедливости» [1, с. 244]. А. И. Куприн был уверен, что «большевики задушили насмерть печатное слово» [6, с. 28], при Советах «свободной и хоть сколько-нибудь беспристрастной прессы не существовало» [6, с. 38]. По его мнению, «красные газеты составляются с единственной целью – втирать очки Европе» [6, с. 205]. И. В. Гессен утверждал, что «в советской России существует только большевистская пресса, всецело поглощенная агитационными задачами и не освещающая внутренней жизни страны» [4, с. 5].

Ответственность за происходящее в России Бунин-публицист возлагал прежде всего на тех, кто не только поддерживал новый строй, но и воспевал революцию и большевизм. Главным виновником, по мнению писателя, был М. Горький, к личности которого публицист об-

рашался во многих статьях. Пристрастность Бунина объяснялась тем, что «буревестник революции», на определенном этапе отшатнувшись от чудовищного насилия новой власти, вновь вернулся в стан большевиков, и те пытались сделать из него символ «новой» России. Однако Бунин не обращал внимания на сложность и трагичность судьбы Горького, его внутреннее эмигрантство. Для Бунина Горький – «певец самого грубейшего из всех человеческих учений и самого гнусного, самого бесчестного и самого подлого строя из всех существовавших на земле» [3, с. 115].

В эмигрантской публицистике позицию Горького критиковали многие. Д. С. Мережковский, отвечая на статью Уэллса о России, заметил: «<...> ваш друг Горький – не лучше, а хуже всех большевиков – хуже Ленина и Троцкого. Те убивают тела, а этот убивает и расстреливает души» [8, с. 131]. А. И. Куприн в статье «О Горьком» утверждал, что своей переметчивостью пролетарский писатель «изъял из обращения главные ценности: свою душу и свою славу» [7, с. 376].

Однако не только Горький подвергался гневным нападкам Бунина. Все те, кто принял революцию, воспевал ее, вызывают у него откровенную неприязнь. Яростно отвергая новый строй, он тем самым перенес свое отрицание и на советскую литературу: «В русской литературе теперь только “гении”. Изумительный урожай! Гений Брюсов, гений Горький, гений Игорь Северянин, Блок, Белый... Как тут быть спокойным, когда так легко и быстро можно выскочить в гении? И всякий норовит плечом пробиться вперед, ошеломить, обратить на себя внимание» [2, с.154].

9 мая 1919 г. он записал в дневнике: «А какое невероятное количество теперь в литературе самоуверенных наглцов, мнящих себя страшными знатоками слова!» [2, с. 196]. Показательной для Бунина становится деградация языка этой литературы в «большевистский жаргон» [2, с. 149], бюрократический канцеляризм. Следствием этого, по его мнению, явилось превращение литературы в прокламацию, в «заборную литературу» [2, с. 195].

Для Бунина же характерна безоговорочная ориентация на классику, которая звучит в его статьях «Инония и Китеж», «Думая о Пушкине», «К воспоминаниям о Толстом», «О Чехове», «Пушкинские торжества» и др. Он часто выступал в эмигрантской печати как защитник русской литературы. Метафорой истинной русской литературы для него стал «Китеж» (легендарный русский город из поэмы А. К. Толстого), настоящие поэты, по его мнению, «враги насильственных ломок священной растущего дерева жизни» [3, с. 169], они уважают тра-

диции. Новая советская литература обозначена у Бунина метафорой из одноименной поэмы С. А. Есенина – «Инония», она создается, по его логике, «Иванами, родства не помнящими», и не является истинной литературой.

Бунин-публицист, внимательно изучающий эмигрантскую прессу, настойчиво напоминает редакторам и журналистам о важнейшей задаче русского зарубежья – сохранении и развитии традиций русской культуры. Он резко критикует журнал «Версты»: «нелепая, скучная и очень дурного тона книга. Что должен думать о нас культурный европеец, интересующийся нами, знающий наш язык, понимающий всю страшную серьезность русских событий – и читающий подобную русскую книгу?» [3, с. 218]. Особое недовольство у Бунина вызывают «превознесение до небес» новой русской литературы в лице «Есениных и Бабелей рядом с охаиванием всей “старой”» [3, с. 219], перепечатки из советских изданий на страницах «Верст». По поводу очередного номера пражского журнала «Своими путями» Бунин замечает: «Плохие пути, горестный уровень!» [3, с. 216]. Он не находит в журнале «пражских комсомольцев» и «минимума вкуса, здравого смысла, знания русского языка» [3, с. 216].

Здоровое же начало, пусть даже скромно выраженное, в творчестве эмигрантов вызывает у Бунина добрые и задушевные оценки. Он с заметным удовольствием откликается в журнале «Современные записки» на выход сборника сатирических стихов Дон-Аминадо «Наша маленькая жизнь», приветствует молодого писателя Леонида Зурова. Многие публикации Бунина посвящены памяти ушедших из жизни русских эмигрантов: «Памяти Юшкевича», о молодом поэте и белом воине Иване Савине «Наш поэт», «Петр Александров» и др. По мнению публициста, эмигрантская Россия должна соответствовать уровню России дореволюционной, истинной.

В каждом публицистическом тексте Бунина присутствует высокая мера требовательности автора, его страстность, нравственное начало. В его выступлениях Россия дореволюционная, в которой существовали вечные ценности, противопоставляется «новой», большевистской России, стране, где «”бесценными сокровищами” объявлены уже не честь, не стыд, не свобода, а как раз наоборот – бесчестье, бесстыдство, коганский кнут» [3, с. 159]. Четкость политической и нравственной позиции писателя обусловила неприятие им прессы большевиков, советской литературы. Он с негодованием отвергает «большевистский жаргон» [2, с. 149], «наглость в лживости, которой буквально пропитано каждое слово, каждый призыв, каждый “лозунг”, каждое

сообщение», «аншлаги аршинными буквами» [3, с. 74]. В произведениях советских авторов, в газетных строках ему слышится голос «поголовного хама и зверя» [2, с. 139], торжествующих в большевистской России.

Литература

1. Бальмонт К. Д. Без русла // Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. М. 2010. С. 242-246.
2. Бунин И. А. Окаянные дни. СПб. 2000.
3. Бунин И. А. Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Вступ. ст. О. Н. Михайлова; Комментар. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. М., 1998.
4. Гессен И. В. Задачи Архива // Архив русской революции. 1921. №1. С. 5–8.
5. Гиппиус З. Н. Петербургские дневники // Литература русского зарубежья. Антология: в 6 т. Т.1. Кн.2. 1920-1925. М. 1990. С. 176–332.
6. Куприн А. И. Мы, русские беженцы в Финляндии: Публицистика (1919–1921) / сост., вступ. ст. и коммент. Б. Хеллмана при участии Р. Дэвиса. СПб., 2001.
7. Куприн А. И. О Горьком // Голос оттуда: 1919-1934: Рассказы. Очерки, Воспоминания. Фельетоны. Статьи. Литературные портреты Некрологи. Заметки / Сост, вступ. ст., примеч. О. С. Фигурновой. М., 1999. – С. 373–376.
8. Мережковский Д. С. Открытое письмо Уэллсу // Царство Антихриста: Статьи периода эмиграции / Сост., комментарии О. А. Коростелева и А. Н. Николюкина; послесл. О. А. Коростелева. СПб., 2001. – С. 127–133.

Стилеобразующие черты и образ автора в публицистических работах Л. Е. Кройчика

Доктор филологических наук, профессор Лев Ефремович Кройчик был в числе тех, кто стоял у истоков воронежской научно-образовательной школы журналистики, на протяжении более полувека являясь преподавателем факультета журналистики ВГУ. До последних дней Л. Е. Кройчик оставался одним из самых авторитетных медиаспециалистов региона: «Без всяких скидок, Лев Кройчик в течение десятилетий менял культурный ландшафт Воронежской области» [19].

«Дитя “оттепели”», Л. Е. Кройчик был не только современником, но соучастником эпохи – человеком, реализовавшим идеи времени как в собственной судьбе, так и в профессии. В том числе и этим он был интересен аудитории: дитя войны, заставший сталинскую эпоху, участник освоения целинных земель, «шестидесятник» – художественный руководитель университетского Театра миниатюр; в перестроечные и девяностые годы реализовавший свой творческий потенциал в отечественной демократической журналистике и критике (в 1993 – 2000-х годах – редактор отдела культуры газеты «Воронежский курьер»); в 2000-х – 2010-х годах – признанный теоретик журналистики, педагог, колумнист, эссеист. Л. Е. Кройчик, внёсший своей многогранной деятельностью вклад в развитие региональной культуры, был, безусловно, яркой личностью, привлекавшей внимание, – был частью этой культуры. И, конечно, мастером художественно-публицистического слова. Его очерки, фельетоны, эссе, интервью, колонки, комментарии, рецензии обладают особым, «кройчиковским» стилем, узнаваемым с первых слов.

Можно выделить следующие черты этого стиля.

1. Ярко выраженный, «Я-центричный» образ автора – непосредственного участника или интерпретатора событий, близкого к своим героям:

«Декабрь 2016 года. Звонок.

– Лев Ефремович, можете меня поздравить – меня приняли в Союз писателей России.

Это – Володя Кулаков из Москвы. Выпускник журфака. Мой давний дипломник.

Володя – уроженец Воронежа. Когда была жива его мама, часто приезжал домой. Обязательно встречались. Сидели на кухне – пили чай, вспоминали прошлое» [18, с. 201].

Герои очерков Кройчика – как правило, друзья автора. Люди, с которыми он близко знаком. Этим людей автор знает много лет – их связывают общие истории из жизни (которые автор тщательно припоминает в текстах), общие места, общие интересы:

«Так случилось, что в шестьдесят пятом наши пути (автора и В. Кулиничева. – П. П.) пересеклись в Челябинске. Встреча была недолгой – минут двадцать. Вадим вышел из автобуса... рыжим.

– Что случилось?

– Ничего особенного. Наша команда КВН вышла на сцену со светлыми волосами.

– Зачем?

– Чтобы доказать соперникам – “золотые головы у нас”.

– Доказали?

– А то!» [17, с. 33].

Кройчик любит своих героев – уважает их точку зрения, хотя временами и пытается спорить с ней (не претендуя, однако, на истинность своей позиции). Он позволяет себе интерпретировать те или иные поступки, фразы, мысли своих героев, отчего последние превращаются из реальных персонажей жизни в художественно-публицистические типажи. Так автор через своих героев транслирует те или иные черты реальности, волнующие его и побуждающие к размышлению. В свою очередь, автор приглашает своего читателя к со-размышлению – процессу диалогического, т. е. двустороннего (автор ↔ аудитория) осмысления действительности: «Публицистическое произведение всегда – приглашение к со-размышлению. Согласие с автором в данном случае не обязательно. Да и сам автор на этом не настаивает: публицистическое высказывание – это вариация на актуальную тему, а не окончательный приговор» [6, с. 141].

2. «Квазинаивный» взгляд на мир («от прописной истины – к парадоксу») – констатация реальности у Кройчика трансформируется в явление парадоксальное; интонация искренности соотносится с фигурой умолчания, недосказанностью:

«Всё – по-честному.

Человек недосыпал – блюл посты.

Наблюл на миллиард – имеет право отдохнуть от забот праведных в палатах каменных.

Не в казённых, а в собственных.

Главное – вовремя продекларировать свою любовь к распоряжениям начальства, желающего знать, что у тебя за душой.

А за душой у каждого...

Ню... ню... ню...» [7, с. 61].

За авторским взглядом – ироничная образная картина мира, «второе дно» проблемы, контекст, возможности инвариантной интерпретации: «Вот ведь какой удивительный парадокс получается: на МКС сидим рядышком, “частицу Бога” в электронном коллайдере ищем совместно, лихорадку Эбола стараемся преодолеть общими усилиями, а земное пространство порезали на отдельные загоны и презрительно поплёвываем на соседей из-за своей старательно развешенной колючей проволоки» [9].

Вышепротитированное эссе носит название «Общежитие полезнее изоляции» и посвящено теме внешнеполитического курса страны, «который имеет признаки изоляции»; но, как это ни парадоксально, не менее актуальным данный материал смотрится и сегодня, спустя семь лет – и не только с точки зрения внешней, но и, в большей степени, с точки зрения внутренней политики. Хотя ни автор, ни его читатели в 2014 году ещё не были знакомы с понятием «самоизоляция».

3. Ироничное осмысление действительности – сатирическое начало, самоирония:

« – На чём едем? – спрашиваю я тоном капризного пассажира.

– На “Опеле”, – Гонгадзе невозмутим. – Хорошая машина. Я на такой машине всю Западную Европу исколесил.

– Но учтите, – ворчу я, – вы везёте национальное достояние. Так что скорость – 65 километров в час» [2, с. 119].

Или – более острое. Остросатирическое даже (из фельетона «Быть беде?»):

«Вдруг заговорили о необходимости роста моего благосостояния.

Обеспокоилась власть внутренним смыслом моей жизни.

Мол, надо повысить зарплату сотрудникам вузов.

А то налогов от них в казну поступает меньше, чем хотелось бы.

И так далее...

Я, естественно, обеспокоился.

Неспроста это.

Враг, думаю, не дремлет.

Небось, опять чего-нибудь не докладут в мой карман.

Под предлогом интенсификации заполнения отчётности.

Или – модернизации заполняемости ведомостей.

Или – наноутилизации исполняемости распоряжений ректората.

У начальства, сами понимаете, всегда есть возможность улучшить жизнь работника вуза...» [7, с. 95].

4. «Рубленый» текст, разбитый на короткие абзацы – признаки т. н. «телеграфного» стиля, при котором предложения состоят из предельно ёмких и кратких фраз (знаменитая рубрика Л. Кройчика в газете «Воронежский курьер», впоследствии плавно перекочевавшая и в другие региональные СМИ, так и называлась: «Сто строк в конце недели»):

«Выдавливает из себя по каплям раба – задача нелёгкая, но иначе жить невозможно.

Потому что жизнь каждого из нас – самотворение.

Другого не дано.

Знаете, с чего начинался первый советский букварь?

С фразы: “Рабы не мы. Мы не рабы”.

А сегодня первая фраза букваря:

– Мама мыла раму.

Чувствуете разницу?» [14, с. 3].

За годы профессиональной деятельности Л. Е. Кройчик пришёл к такому формату текста, видимо, по следующим причинам: во-первых, из-за стремления к разговорной интонации; во-вторых, по причине вытекающего отсюда облегчения процесса чтения; и в-третьих, всё это являлось своеобразными приёмами работы с аудиторией – способами выделения собственных текстов из массы других журналистских материалов. Это достигалось и за счёт визуализации, и за счёт интонации – таким образом, «кройчиковская» интонация становилась узнаваемой и, судя по реакции аудитории, востребованной: на протяжении десятилетий Л. Е. Кройчик вёл авторские колонки в ведущих воронежских СМИ: «Молодой коммунар», «Воронежский курьер», «МОЁ!», «Время Воронежа», «Время культуры» и др.

Правда, есть ещё одна версия истоков творческого стиля Льва Кройчика. Д. С. Дьяков, бывший главным редактором «Воронежского курьера» и хорошо знавший тексты заведующего отделом культуры «ВК», пишет: «Обожаемому профессором Кройчиком Антону Павловичу [Чехову] и принадлежит универсальный рецепт изложения темы в ста строках. И подозреваю, что все эти долгие годы почтенный автор “Воронежского курьера” готовил свои субботние блюда исключительно по этому чеховскому рецепту. Он прост. “Вы не признаёте статей выше 100 строк, что имеет свой резон, – писал молодой Чехов своему редактору Николаю Александровичу Лейкину. – У меня есть тема. Я сажусь писать. Мысль о “100” и “не больше” толкает меня под руку с первой же строки. Я сжимаю, елико возможно, процеживаю, херю – и иногда (как подсказывает мне авторское чутьё) в ущерб и теме и

(главное) форме. Сжав и процедив, я начинаю считать... Насчитав 100 – 120 – 140 строк я пугаюсь и... не посылаю» [3].

А Л. Е. Кройчик – посылал.

5. Формально-графические приёмы – парцелляция, эллипсис (излюбленные стилистические фигуры Л. Кройчика):

«Но всё-таки между любовью и изменой “дистанция огромного размера”.

Как говорил другой классик.

Хотя – по случайному совпадению – тоже Александр Сергеевич.

На этот раз – Грибоедов» [8, с. 9].

б. Частое использование уточняющих членов предложения:

«Дальше – как сказал Шекспир – тишина» [15, с. 101].

«Это потом – спустя десятилетия – Виктор Степанович Черномырдин скажет:

– Хотели как лучше, а получилось как всегда» [16, с. 69].

«Никакого быта – ни деревенского, ни городского – на сцене нет» [13, с. 23].

7. Нарративно-художественное построение текста: любой текст у Кройчика – это «рассказывание», история, сюжетно-образная фиксация события, явления, ситуации:

«Первый звонок.

Как человек дисциплинированный, отправляюсь в зрительный зал.

Первое, что вижу – себя, любимого, усаживающегося в отведённое мне место.

Это работает экран, заменяющий традиционный задник.

На сцене – торжество электронной техники (сценография Алексея Мочалова).

Традиционные декорации отменены. Вместо них – электронные экраны, бесшумно и динамично создающие определённую цветовую гамму.

И – не только её.

Известно же: любое зрелище – повод для ассоциаций.

Сиди и думай – почему витийствует с экрана шекспировский Вольтиганд (Денис Кулиничев), подозрительно похожий на телеведущего Дмитрия Киселёва с его традиционным “рукоприкладством”.

Или – зачем появляется на экране Владимир Познер, молча вслушивающийся в реплики Клавдия.

Пародии на наши дни?

А может, это наши дни назойливо стараются быть похожими на то, что в нормальном обществе именуется бытием?

То есть постоянно осмысливаемой реальностью?» [5, с. 11-12].

Через художественное начало автор пытается приблизиться к читателю, донести до него свою идею – рациональное через эмоциональное, – облекая её в образ («публицистический образ – это код, но код этот должен быть понятен аудитории» [10, с. 140], – писал на этот счёт сам же автор в научной статье «Принципы публицистического творчества»).

Все вышеобозначенные черты творческого стиля Л. Кройчика можно разделить на семантические (авторская идея реализуется метатекстуально) и чисто формалистские (авторская идея реализуется формально-графически, текст – конструкция знаков, формирующих «визуально-звучащее» произведение). Здесь «формализм» – в значении приёма и концепции. Не зря Л. Е. Кройчик особое внимание обращал на структуру текстов В. Шкловского, М. Зощенко, В. Маяковского, Д. Бурлюка.

Опора на собственное «Я» нашла применение как в теории журналистики (разработка Л. Кройчиком классификации публицистических жанров, деление их на пять групп), так и в журналистской практике. Последнее было обусловлено жанровым выбором и стилем Кройчика-публициста: излюбленные жанры, в которых он работал, – фельетон и эссе – жанры по своей природе с активным авторским началом, жанры-автобиографии.

Отличительная черта творческого стиля Л. Е. Кройчика – авторская центричность. В большинстве своём его материалы – это рассказы о себе в форме ироничной исповеди и парадоксального откровения. Иногда такую форму творчества называют «самовыражением» (да и сам Л. Е. Кройчик не чурался этого определения). Но нужно учитывать, что, во-первых, автор должен иметь право (в частности, моральное) на своё высказывание; во-вторых, авторское слово должно обладать объективными весом и ценностью: «Авторское высказывание должно быть достоверно и убедительно в глазах аудитории, поскольку его главная задача – выявить закономерность происходящего, показать причинно-следственные связи, породившие факт, события, проблему» [11, с. 175].

Автор должен быть уверен в том, что ему есть, что сказать аудитории.

«Авторское самовыражение – это особая форма монолога, предназначенного для чужих ушей.

Иначе – какой смысл в тиражировании своего потока сознания?» [11, с. 174].

Таким образом, понятие «самовыражение» становится тождественным понятию «самооправдание» – когда автор актом своего высказывания оправдывает факт своего бытия. «Код, расшифрованный аудиторией, не просто должен быть принят к сведению – он должен быть сочувственно осмыслен» [11, с. 174].

Усвоив эффективность вышеописанных приёмов и методов письма («авторская точка зрения, обретая живые интонации субъекта, придаёт диалогу с аудиторией черты доверительности и большей фактической убедительности» [12, с. 10]), Л. Е. Кройчик пытался перевести свои идеи в теорию публицистики. Образу и роли автора публицистического произведения посвящено большинство научных работ последнего этапа творчества Л. Кройчика (2000–2010-е годы). Ключевыми из этих идей являются следующие:

1) автор публицистического произведения строго персонализирован: «В публицистическом произведении слово принадлежит, как правило, биографическому автору, то есть субъекту высказывания, чётко вписанному в пространственно-временные координаты» [11, с. 173];

2) авторское слово обладает объективными весом и ценностью, истинностью: «Авторское высказывание должно быть достоверно и убедительно в глазах аудитории, поскольку его главная задача – выявить закономерность происходящего» [11, с. 175];

3) автор вступает с аудиторией в диалогические отношения, наличие таковых – необходимая составляющая качественного публицистического текста: «Код, расшифрованный аудиторией, не просто должен быть принят к сведению – он должен быть сочувственно осмыслен» [11, с. 174].

В публицистике чрезвычайно важно как наличие авторского имени, так и уровень его громкости: во-первых, отсутствие имени равно отсутствию должного авторитета у самого высказывания («возможный сигнал недостоверности передаваемой информации» [11, с. 175]); во-вторых, если из коммуникативной цепочки «Автор – Произведение – Аудитория» выпадает первое звено, цепочка теряет свой функциональный ресурс («утрата имени – это утрата энергии, подпитывающей произведение» [11]).

В свою очередь, третье звено цепи – Аудитория – обусловлено существованием первых двух звеньев. И, в частности, – существованием начального звена: «Аудитория нуждается в собеседнике [т. е. в авторе], в непрерывно работающей “завалинке”, снабжающей всех желающих фактами, оценками, мнениями» [11].

Но отметим, что разговор об имени – это ещё и разговор о конкретном образе автора. В нашем случае – публициста и теоретика журналистики Льва Кройчика – автора со своей биографией, «жизнью и творчеством». Автора со своим именем – уникальным, «сметающим всё на своём пути – как вихрь, как тайфун», по определению доктора филологических наук, доцента факультета журналистики ВГУ В. В. Колобова. Именем, оставляющим, тем не менее, после своего присутствия не разрушительное, а созидательное начало.

В. В. Колобов – выпускник 1981-го года отделения журналистики филологического факультета ВГУ, учившийся в группе, куратором которой был Л. Кройчик, – вспоминал свою первую встречу с учителем: «В деканате нам (группе первокурсников отделения журналистики филологического факультета ВГУ) сказали, что именно здесь и сейчас (во внутреннем двореке университетского корпуса, напротив Кольцовского сквера в Воронеже, 1 сентября 1975 года) произойдёт наше знакомство с куратором группы. И назвали необычную фамилию, которая запоминается сразу, как первый снег, как первое свидание, как первая любовь, – Кройчик...» [4]. Сравните – у А. Б. Ботниковой: «КРОЙЧИК (выделено автором. – П. П.) – двусложная, легко соскальзывающая с языка фамилия... За ней – личность» [1, с. 98].

На Коминтерновском кладбище Воронежа на надгробном памятнике высечено имя: «Профессор Лев Кройчик». Слова эпитафии – цитата из интервью профессора – как нельзя лучше характеризуют жизненное и творческое кредо мастера: «Жизнь, кажется, состоялась может потому, что я ни от чего не отрёкся... и все эти годы стремился не врать самому себе... Остаётся память о существовании того, что ты собой представляешь...».

Литература

1. Ботникова А. Феномен Кройчика, или По ком звонил колокол // Университетская площадь. 2020. № 11. С. 96–98.
2. Главный корпус: Сто имён в судьбе Воронежского университета / сост.: Л. Е. Кройчик; под общ. ред. Д. А. Ендовицкого. Воронеж, 2018.
3. Дьяков Д. В памяти осталось // RELGA – научно-культурологический сетевой журнал. 2009. № 10: [Электронный ресурс]. Режим доступа: – <http://www.relga.ru/Environ/WebObjects/tgu-www.woa/wa/Main?textid=2427&level1=main&level2=articles> (дата обращения: 10.10.2021).
4. Колобов В. В ожидании чуда // Коммуна. 2014. 26 мая: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://communa.ru/obshchestvo/v_ozhidanii_chuda_2/ (дата обращения: 8.06.2021).

5. Кройчик Л. «Быть или не быть, вот в чём вопрос» // *Время культуры*. 2017. № 1. С. 11–13.
6. Кройчик Л. Е. Диалоговые ресурсы публицистики // *Вопросы теории и практики журналистики*. 2015. Т. 4. № 2. С. 139–148.
7. Кройчик Л. Куды бечь? Сборник фельетонов. Воронеж, 2013.
8. Кройчик Л. Нелюбовь? // *Время культуры*. 2017. № 1. С. 8–10.
9. Кройчик Л. Общежитие полезнее изоляции // *7x7 Воронеж*. 2014. 15 ноября: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://7x7-journal.ru/articles/2014/11/15/obshezhitie-poleznee-izolyacii> (дата обращения: 10.10.2021).
10. Кройчик Л. Е. Принципы публицистического творчества // *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*. 2014. № 5. С. 130–144.
11. Кройчик Л. Е. Публицистический жанр: природа и стратегия развития // *Вестник Воронежск. ун-та. Серия: Филология. Журналистика*. 2013. № 2. С. 171–176.
12. Кройчик Л. Публицистический текст как нарратив // *Акценты. Новое в массовой коммуникации*. 2008. № 7–8. С. 6–14.
13. Кройчик Л. «Русь, куда несёшься ты?» // *Время культуры*. 2018. № 1. С. 22–25.
14. Кройчик Л. Само-творение // *Время культуры*. 2018. № 1. С. 3.
15. Кройчик Л. Е. Смешное и грустное: Этюды на темы русской комической литературы XIX – XX веков. – Воронеж, 2014.
16. Кройчик Л. Е. Усомнившийся Платонов: Стихия комического в произведениях писателя. Воронеж, 2019. 140 с.
17. Кройчик Л. Феномен Кулиничева // *Мысли(!)*. 2017. № 1. С. 32–33.
18. Кройчик Л. «Что этот парень выкинет ещё» // *Университетская площадь*. 2018. № 10. С. 201–203.
19. Шевченко С. Ушёл великий Лев Кройчик // *Комсомольская правда в Воронеже*. 2019. 11 апреля: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.vrn.kp.ru/online/news/3444607/> (дата обращения: 10.10.2021).

«Неуловимый Чехов» Л. Е. Кройчика

Книга Льва Ефремовича Кройчика, известного ученого и журналиста, «Неуловимый Чехов: Этюды о творчестве писателя» не может быть отнесена ни к жанру научной монографии, ни к жанру учебника или учебного пособия. Ее жанр можно было бы определить как жанр свободного высказывания, которому а priori чужды назидательность и дидактичность. Но к ним как раз Л. Е. Кройчик и не стремится. «Эта книга субъективна и ориентирована на субъективно думающего читателя» [2, с. 4] – сказано в ее предисловии. Однако субъективность, о которой говорит ее автор, отнюдь не предполагает того, что называется отсебятиной. Субъективность эта иного ранга. К такого – настоящего рода – субъективности человек зачастую поднимается на протяжении всей своей жизни и обретает ее вместе с обретением самостояния, как раз и дающего право на свое слово о мире, о жизни или... о Чехове. Л. Е. Кройчик это право безусловно имеет и как человек, умудренный жизненным опытом, и как ученый, многие годы посвятивший изучению чеховского творческого наследия. И поэтому, если воспользоваться одной из излюбленных автором стилистических фигур, в этой книге не только о Чехове сказано.

По сути, книга Л. Е. Кройчика – книга о первостепенных вопросах человеческого быта и бытия и о тех измерениях, которые приданы им были А. П. Чеховым. Л. Е. Кройчик убежден, что тайна притягательности писателя кроется в его философии жизни, сопрягающей, на первый взгляд, совершенно разномасштабные и разнопорядковые вещи – быт и бытие. «Быт у Чехова не противостоит бытию. Бытие всего лишь фамильяризуется до бытового уровня. До заурядности. До очевидной простоты. Выясняется, что сокровенное – это простые вещи, окружающие человека ежедневно. Все переживания чеховских героев вертятся вокруг простых вещей» [2, с. 232]. «Бытовое пространство не подменяется бытийным – они слиты воедино» [2, с. 232].

Среда, обстоятельства, условия – все эти привычные категории у Чехова интегрируются и перекрываются понятием жизнь. Бытийное, сущностное обретаются у него не в трансцендентных приделах, а в пределах бытового, повседневного, привычного и обычного – в жизни такой, какая она есть. Но именно жизнь, как она есть, оказывается той данностью, которая, по словам Л. Е. Кройчика, требует от человека признания ее «разумной законности», а следовательно, и выработки соответствующего ей жизненного поведения. Любые попытки эту

данность обойти стороной, отодвинуть на задний план, заместить иллюзиями или фантомными мечтами обречены на провал. Подробному анализу одной из таких попыток ухода от жизни посвящен один из самых, может быть, цельных по содержанию и форме этюдов – «Сила подполья или утомленные жизнью», где автор, размышляя о «достоевском» плане в творчестве Чехова, предлагает свой субъективный взгляд на чеховского «Черного монаха» и на его «подпольного» героя – Коврина.

Итак, человеку не дано ничего другого, как проживать данную ему жизнь. Но проживать ее можно по-разному. Вопрос о том, почему жизнь зачастую не складывается или складывается не так, как бы хотелось, и кто в этом виноват, – не только чеховский. Отмеченная Л. Е. Кройчиком переключка Чехова с Герценом также чрезвычайно любопытна. Пожалуй, трудно найти какого-либо другого писателя (за исключением, разумеется, Толстого), который так же, как доктор Чехов, был бы озабочен вопросами, касающимися человеческого здоровья (в широком смысле этого слова), культурного жизнестроительства и тех внутренних и внешних факторов, которые им вредят. «Кто виноват в том, что жизнь скучна, лжива, что насилие и произвол царят не только в полицейских кутузках, но и на университетских кафедрах, в повседневном обиходе миллионов людей?» [3] Это – Чехов. «Молодые люди чертили себе колоссальные планы... Никто не подозревал, что один кончит свое поприще начальником отделения, проигрывающим все достояние свое в преферанс; другой зачерствеет в провинциальной жизни ... третий – на таком месте, на котором он будет сердиться, что юноши – не старики... а пустые мечтатели» [1]. А это – Герцен.

Согласно Герцену, несостоятельность человека во многом обусловливается отсутствием в нем, как он говорил, «геройства консеквентности», т. е. готовности, «резво» смотря на вещи, доводить свои начинания до победного конца. По Чехову же (хотя мотив здравого отношения к жизни важен и для него) человек терпит бедствие прежде всего из-за гнетущей его несвободы и ее непрменных спутников – лжи и насилия. И только при условии неутомимого жизнестроительства, каждодневной работы над собой, каждодневной заботы о собственном теле, здоровье, уме, таланте, вдохновении человек наконец научится жить свободно, и тогда бытовое не сможет заслонить ему горизонт бытийного. Вот несколько цитат из монографии Л. Е. Кройчика: «Жизнь человеческая – факт самотворения личности» [2, с. 13]. «Ответственность за все происходящее с человеком несет, прежде всего, он сам» [2, с.43]. «В произведениях Чехова торжествует

жизнь. Писатель призывает человека ценить то, что ему даровано, и сожалеть о том, что люди не в состоянии распорядиться богатством, оказавшимся в их руках» [2, с. 230].

По мысли Л. Е. Кройчика, чеховский человек терпит *fiasco* уже тогда, когда им утрачивается вкус к жизни, а значит, и – удовольствии жить: «Само-творение жизни начинается с удовольствия жить» [2, с. 46]. Утрачивая вкус к жизни, живя без удовольствия, живя в быте без бытия, человек, как тоже хорошо и верно подмечено, утомляется. И это «утомляется» (слово, не навязанное Чехову, а корневое в его творчестве) обретает в исследовании терминологический статус и получает обстоятельную расшифровку. Утомленный жизнью человек перестает верить в деятельную силу добра и, по слову автора книги, – в «красоту безыскусной жизни». Этическое же, с точки зрения Л. Кройчика, сопряжено у Чехова с эстетическим подобно тому, как бытийное с бытовым. «Человек, по Чехову, нравствен не тогда, когда поступает, “как надо”, а тогда, когда каждый шаг его органичен и естествен. Когда не надо “выглядеть” и “казаться”, когда надо не приспособляться к жизни, а просто жить» [2, с. 46]. Таким образом, Л. Е. Кройчику удалось указать на новые важные грани чеховской антропологии и представить тип, который еще не был отрефлексирован литературной характерологией, – тип человека, утомленного жизнью.

Надо сказать, что мир Чехова, может быть, как никакой другой, требует тонкого и осторожного к себе отношения. Однозначное, грубое, прямое – не для него. Хирургия в чеховском случае бесполезна, нужна микрохирургия. Тогда только исследователь и может надеяться на удачу, иначе Чехов так для него и останется вещью в себе. Думается, что Льву Ефремовичу Кройчику заслуженно повезло. В неуловимом Чехове ему посчастливилось уловить и запечатлеть некоторые чрезвычайно значимые смыслы, ухватить ускользающую красоту.

Литература

1. Герцен А.И. Кто виноват? М., 1948: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=87381&p=20> (дата обращения: 05.10.2021).

2. Кройчик Л. Е. Неуловимый Чехов: этюды о творчестве писателя. Воронеж, 2007.

3. Чехов А.П. Письмо Плещееву А. Н., 4 октября 1888 г. Москва // Полн. собр. соч. и писем: в 30 т. Письма в 12 т. М., 1976. Т. 3. С. 11

III. ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ

Л. Жданова (Воронеж)

Журфак – место силы

На дневное отделение факультета журналистики ВГУ с первого раза поступить не удалось. Не хватило балла. А вот для заочного их было вполне достаточно. Но даже в этом случае мое поступление было событием из области фантастики. Мечтать о профессии журналиста в селе, где я родилась и выросла, было примерно, как мечтать стать космонавтом или капитаном дальнего плавания... Но ни о какой другой профессии я все равно не думала. Еще в 7 классе решила для себя: только журналистика. Поэтому поступлению порадовалась.

Будучи студенткой-заочницей работала в районной газете в Курской области. Называлась газета «Знамя труда». Работала с удовольствием. Много ездила по отдаленным уголкам района, часто попутным транспортом. Но, несмотря на все неудобства, профессия, подарившая мне массу встреч, казалась мне все более интересной.

А дневное отделение у меня все же случилось. На 4 курсе освободилось место, и я смогла перевестись, сдав огромную разницу в экзаменах и зачетах. Сейчас даже удивляюсь, как мне удалось это сделать.

Но от этих перипетий я получила огромный бонус. Им стали друзья и с заочного отделения, и с дневного.

Учеба свела меня с замечательными людьми. Подарком судьбы стало общение с преподавателями, каждый из которых личность, ве-

На лекции

личина. Не буду оригинальна, называя имена. Я думаю, что их назовут многие студенты тех лет. Лев Ефремович Кройчик, Вадим Георгиевич Кулиничев, Александр Тихонович Смирнов, Маргарита Ивановна Стюфляева, Эмма Афанасьевна Худякова, Владимир Васильевич Тулупов, Виктор Васильевич Хорольский, Елена Михайловна Бебчук, Людмила Леонидовна Сандлер, Александр Павлович Дробышевский, Наталья Николаевна Козлова, Виктор Владимирович Гааг, Тамара Алексеевна Павлова, Светлана Николаевна Гладышева, Михаил Петрович Вязовой – каждый из них отдавал студентам вместе со знаниями частичку своего сердца.

Студенческая пора стала новым жизненным опытом. Моими соседками по комнате стали замечательные журналистки Лена Рузанова и Оля Баранникова. Меня поражала их преданность профессии и особый острый взгляд на события. Из-под их пера выходили очень интересные материалы о воронежской жизни, о людях и их проблемах, достижениях, характерах.

А еще в моем сердце по сей день остаются мои дорогие девочки — Ивонн Мусанаберра из Руанды и Мария Техеда из Мексики. Яркие, мудрые, прекрасно понимающие русскую душу...

Янь Шу из Китая, Ифрах из Сомали, Яя и Калифа из Мали, Вильям из Уганды, Роджер из Камеруна, Мирвайс из Афганистана, Видья и Варша из Индии, Хевер из Эквадора, Хасан из Марокко, Мехди и Ахмад из Йемена и многие другие...

Думаю, практически все помнят прекрасные вечера на балконе общежития № 7 на улице Хользунова.

Вместе ходили в филармонию и театры, отмечали праздники, делились радостями, грустили. Нередко вместе готовили еду. Так что успела узнать достаточно много о национальной кухне ряда стран. И китайскую еду попробовать, и мексиканскую, и стран Африки. Особенно запомнился соус на основе

Мои друзья – Янь Шу, Ивонн и Ифрах

перца чили, чеснока и лимона. До сих пор помню этот насыщенный яркий вкус.

Студенчество стало временем встреч культур, традиций, взглядов и, самое главное, – понимания общечеловеческих ценностей. Я навсегда усвоила, что главное – это не цвет кожи, а человеческое в человеке. Это стало прочным фундаментом всей моей жизни. И для меня всегда самая интересная тема – тема людей и их судеб.

На журфаке мне повезло не только учиться, но и короткое время работать – на кафедре истории журналистики, возглавлял которую Лев Ефремович Кройчик.

А потом судьба вывела меня на совершенно новое поприще – в 1996 году я неожиданно для себя стала сотрудником милицейской пресс-службы – в Юго-Восточном УВД на транспорте (в то время

После защиты диплома

территория обслуживания – более 10 областей России). И еще долгие годы моя жизнь была связана с деятельностью пресс-служб в системе органов внутренних дел. Какое-то время работала в отделе информации и общественных связей ГУ МВД России по Воронежской области. Завершила службу в качестве подполковника внутренней службы.

Я не стала большой звездой журналистики. Но никаких сожалений по этому поводу у меня нет. Полученные знания позволяли работать и получать удовольствие от профессии и на весьма специфическом участке. И здесь находилось место интересным встречам, вдохновению, творчеству... И погоны никогда мне не мешали...

А в 2018 году меня ждал новый поворот – выход на пенсию и приход на работу в аппарат уполномоченного по правам человека в Воронежской области. Но полученные много лет назад азы профессии вновь помогли мне освоиться на совершенно новом поприще.

Как помогают идти по жизни и другим выпускникам журфака. Благодаря интернету, многие мои университетские друзья теперь не только в сердце, но и в обычной жизни. И мы имеем возможность общаться. Кто-то действительно стал звездой журналистики в своей стране. А кто-то не только авторитетное имя в национальных СМИ, но и передает знания в сфере коммуникации студентам, как, например, Хевер Санчес из Эквадора.

Журфак обладает огромной объединяющей силой. В этом году, спустя много лет после окончания вуза (в моем случае 26), выпускники создали чат в WhatsApp, назвав его весьма знаково – «Общежитие № 7». И как будто не было прошедших десятилетий, как будто вновь собрались на балконе седьмого девочки и мальчики. И неважно, появились у нас седые волосы и лишние килограммы, или нет. Задор остался прежним.

Я и по сей день нередко прихожу на журфак в гости или на научно-практические конференции. И каждый раз у меня особые чувства. И еще здесь я чувствую себя молодой. Впрочем, это неудивительно. Здесь мое место силы...

Дело Рукара

Во времена студенчества благодаря своим друзьям я услышала много интересных историй. Я записала одну из них, поведанную моей подругой Мари Ивонн Мусанаберрой из Руанды. Она оказалась прекрасной рассказчицей.

У нас в Руанде многие хорошо знали имя Рукара. И стоило мне назвать себя, как сразу слышала: «А-а, так ты из рода того самого Рукара...». Мой прадед был известен и как опытный воин, и как человек

твердого характера, наделенный житейской мудростью. Он умер в начале прошлого века, примерно в 1910-м году. Но память о нем была долгой. Потомки даже сложили длинную-длинную песню о нем и о той истории, которая с ним произошла. И смысл этой песни была таков.

Однажды у Рукары украли корову. А так как Рукара был человеком справедливым и смелым, он это дело так не оставил. И угнал у обидчика несколько коров из стада. Тот не замедлил возмутиться в свою очередь. Но спор решался не дракой. Состоялся традиционный суд. Собравшиеся на берегу реки Нябюнгю в селе Гахунга многочисленные члены семьи должны были высказать свое мнение по поводу того, прав или не прав Рукара, дать оценку его поступку, прежде, чем будет вынесено окончательное решение. Все расселись на траве.

В разгар обсуждения на горизонте показался Лупиас, священник-европеец, которого жители деревни прозвали Ругигана, что примерно означает «сующий нос во все дела». Бельгиец и тут не прошел мимо. Прежде всего, чтобы показать свое расположение к людям, он с улыбкой сказал Руккаре на суахили: «Ямбу», что значит «привет». Но прадед был человеком хоть и уважаемым, но неграмотным: не умел ни читать, ни писать, не знал и суахили. Говорил он только на руандийской языке. В ответ падре услышал странную речь: «Ямбу самому себе! Ямбу означает потерять своих детей. А я не хочу терять моих».

«Ямбу!», – повторил, все еще улыбаясь, священник.

«Послушай, если у тебя нет детей, то зачем так трогать моих. У меня есть (и он, загибая пальцы, перечислил всех своих сыновей), но я никого из них не хочу лишиться».

«Ямбу!», – повторил Ругигана в третий раз.

«Слышишь, не трогай моих детей, – все больше злился прадед. – Замолчи, наконец. Еще раз так скажешь, я тебя убью».

Реакция Рукары была понятна односельчанам. Дело в том, что звучание приветствия на суахили оказалось близким по звучанию руандийского ругательного выражения «чтоб ты лишился своих детей». Но священник не внял гневному требованию Рукары.

Рукара рассвирепел: «Если ты не уйдешь сейчас же, не говори, что я тебя не предупреждал».

Но Ругигана уходить не собирался. Зная, по какому поводу заседание, он не преминул высказать свое мнение: «Зачем ты украд коров? Ты виноват, Рукара!».

Рукара ответил на это: «Ты приехал сюда проповедовать, вот и занимайся вопросами религии. Ты приехал учить детей, вот и учи их».

Если тебе не хватает детей, учи взрослых. Но зачем ты вмешиваешься в другие вопросы? Зачем тебе суд? Уходи!»

Тут разозлился священник, полагая, что ему не имеют право возражать. И ударил прадеда ногой. На правах белого человека. Рукара не смог стерпеть такого отношения. Он дал отпор. Но поскольку сила его была недюжинной, одного удара хватило, чтобы после его слов: «Ну не говори, что я тебя не предупреждал», бельгиец уже ничего не мог сказать. Никогда...

Двое сотоварищей падре, вооруженные, очень скоро были на месте происшествия. Когда к деду обратились с вопросом: «Кто убил европейца?», тот возмущенно ответил: «Если вы умеете читать и писать, то разве не знаете?». Он наивно полагал, что люди, учившиеся в школе и обладающие такими достоинствами, не могут чего-то не знать. Конечно, ответ был найден быстро. Рукару приговорили к повешению. По пути к месту казни он вновь проявил свой характер: «Ну нет, я не допущу, чтобы меня кто-то повесил. Я мужчина, а не собака» и попытался бежать, не побоявшись вооруженной охраны. Когда его пытались задержать, он, обороняясь, убил сопровождавших. Причем одного его же оружием – только прикладом, поскольку стрелять из ружья он не умел...

Завершилась эта история тогда трагически. Понимая, что белые колонизаторы не простят дерзости, Рукара принял решение не дать им возможность убить себя, и сам лишил себя жизни.

Но конец истории в реальности был другим.

На самом деле Рукаре удалось бежать в Уганду после смерти Ругигана. Он погиб двумя годами позже. Его расстреляли.

В песне были опущены некоторые политические обстоятельства того времени. Просто их знали все и так. Рукара был очень влиятельным человеком на своей территории, и она оставалась во многом независимой от действующей власти. И власти это не нравилось. Да и священник был не так наивен. Он прекрасно знал, что люди не знают суахили, но начал и продолжал разговор на нем, хотя знал местный язык. Вероятно, он сознательно хотел спровоцировать Рукару на ссору... Арест прадеда очень бы помог властям установить в месте, где жил Рукара, свои порядки. А Ругигана получил бы преференции в своей деятельности. Но все случилось совсем иначе и закончилось весьма печально.

...В конце прошлого века эта история имела неожиданное продолжение. Состоялось еще одно слушание «дела Рукары». Но не по поводу украденных коров. А по поводу случая с бельгийцем. Суд признал Рукара невиновным. Но это уже другая история.

Есть такая нация – студенты: из воспоминаний об общежитии № 7

*Вы вновь со мной, туманные виденья,
Мне в юности мелькнувшие давно...*

И. В. Гете

Моя журфаковская юность прилась на 90-е, и это было непросто. Но – по-своему ярко и незабываемо, а главное – душевно. Хотя бы потому, что тема студенческого братства раскрылась для меня не в красивой теории, а на самой настоящей практике! Начиная со времен, когда была абитуриенткой.

Я прилетела в Воронеж из Мурманска 2 июля 1993 года, в пятницу вечером. Переночевала в гостинице аэропорта и отправилась с утра на площадь Ленина, 10 – приемная комиссия журфака располагалась тогда во втором корпусе университета. Воронеж я видела тогда второй раз в жизни (первый случился за год, да и то проездом!), но как-то не было страха, была уверенность, что найдется все, включая, где переночевать – кто-то ж сдает квартиры внаем? Даром, что суббота нынче...

Однако мой вид нахального воробушка заставил почему-то Лилию Митрофановну Сенкову (в ту пору в период приемной кампании она была секретарем приемной комиссии, в остальное время заведовала кабинетом печати, совмещая официальную должность с неофициальным статусом лучшего друга студентов – можно было и на жизнь поплакаться, и совета спросить, и сухарика с ее стола погрызть) внимательно поглядеть на семнадцатилетнюю абитуриентку и поинтересоваться: «А где ж ты собираешься жить?».

Не услышав ничего внятного, откомандировала она меня в общежитие № 7 с составленным ею наспех документом, утрату которого считаю теперь безвозвратной потерей – было б чем подкрепить разговоры о былой простоте..! Содержание было примерно следующим: «Женя Фатьянов (на тот момент – председатель студсовета журфака)! Или Миша Шаронов! Или Галя Иванова! Или (далее еще несколько имен)... В надежде на вашу студенческую солидарность отправляю к вам абитуриентку – она приехала аж из Мурманска поступать к нам

на журфак! Приютите где-нибудь девчонку до понедельника, пока не появится комендант».

Снабженная таким «пропуском» и нарисованной схемой прохода к общежитию и корпусу через какие-то яблоневые сады, я отправилась на Памятник Славы (теперь вспоминаю, какой живописной была дорога от остановки к родному журфаку!). А попав в здание «семерки», что стала мне домом на четыре с половиной года, ничтоже сумняшеся поинтересовалась прямо у вахтерши, где б я могла найти всех упомянутых в записке Лилии Митрофановны студентов – мне, вооруженной такой протекцией, и в голову не пришло, что я вообще-то постороннее лицо, которому и находиться в общежитии не положено! Самое интересное, что вахтерша тоже об этом не подумала: я беспрепятственно прошла в общежитие и отправилась на поиски своих предполагаемых благодетелей. Интересно, как откомментировал бы эту историю сегодняшшний персонал «семерки»?

Уверенная в успехе, я пошла по комнатам. Из одной раздавался стук этнических барабанов – там компания африканских студентов что-то праздновала. Из другой звучала музыка Востока. А вот комнаты Жени и Миши оказались пустыми – начался же июль, и все разъезжались на каникулы! Галя Иванова, на мое счастье, нашлась – к ней прямиком в комнату меня отвел за руку пакистанец Джамали. Позже он вспомнит об этом так: «Ребенок потерялся и сейчас испугается – надо было спасать!». Можно ли забыть такие моменты?

Теплом веет и от воспоминаний о приеме Гали Ивановой – показавшаяся мне такой взрослой девушка (всего-то двумя годами старше меня!) прочитала записку и коротко сказала: «Проходи и располагайся!». В итоге я расположилась в той комнате на целых полгода – Галя была моей первой соседкой по общежитию уже после поступления. Я лишь потом узнала, что она не слишком-то была склонна пускать к себе абитуриентов, о чем предупреждала и Женю Фатьянова, который ей грозил подселением, но – «Ты ж сама ко мне пришла!»...

Так я вписалась в стихию жизни студенческого общежития еще до студенчества. Народ несколько дней приходил посмотреть на абитуриентку из Мурманска, которая «сама пришла». Опекали коллективно, как могли – Галя с подружкой Аней Поротиковой водили на экзамены, рассказывали об особенностях жизни в общежитии и обучения на журфаке, а когда я, не справившись с акклиматизацией и объевшись мороженого, слегла с температурой – пришел их однокурсник Артур Акопян с рецептом от простуды из своего детства и лекарством в виде стакана водки. Водку смешали по его указанию с черным перцем, а

обмазанную этим снадобьем больную завернули, как селедку, в газеты и накрыли одеялом – утром проснулась, как новенькая!

Студенческое братство

Наше студенческое сообщество было поистине интернациональным, и дело не только в студентах из бывших союзных республик, поступивших на журфак до 26 декабря 1991 года – их тогда как иностранцев-то никто не воспринимал! Как и все остальные, студенты из Африки и Латинской Америки, Индии и Пакистана были не просто соседями по общежитию – они часто оказывались и в числе студенческих друзей. Кстати, тогда была традиция селить иностранцев с русскими – практика спорная, поскольку часто дело заканчивалось конфликтами, но сближение поневоле происходило.

Так, одну из моих подруг поселили с двумя девушками из Руанды, и эта история отпечаталась в памяти в связи с одной из величайших мировых трагедий конца XX века: весной 1994 года на их родине начались события, известные как Руандийский геноцид, а одна из студенток была из хуту, другая из тутси, и две бывшие подружки стали врагами, не выйдя из комнаты... Тем теплее воспоминания о том, что было до роковых событий – забредешь, бывало, к подруге Вике, а там две темнокожие девчонки уже что-то свое экзотическое приготовили и говорят тебе не вопросительно, а в императиве: «Будешь ужинать с нами!». И поясняют: «Ты же наша землячка! Как нам ехать далеко до Руанды, так и ты в свой Мурманск не попадешь раньше каникул!».

Тема угощения, кстати, в ту пору отличалась особой душевностью – покормить могли любого, кто зашел к тебе по случайному делу. Случалось попасть на изыски самых разных национальных кухонь – от благоухающих приправами овощных латиноамериканских блюд до настоящего восточного плова. О традиционной русской картошке с селедкой и солеными огурцами и говорить нечего!

Отчего это было так просто? Оттого, что жили слишком хорошо – в эпоху задерживания стипендий и зарплат-то? Думается, по другим причинам. Человеку, оказавшемуся вдруг в финансовом кризисе, совсем не трудно было настрелять себе на суп продуктов – там разживешься морковкой и луком, там подкинут картошки, там – крупы (у меня, например, всегда было много гречки – мама снабжала ею про запас на случай «Мало ли чего!»; с тех пор я ее терпеть не могу!). Хлебушком разжиться у соседей тоже не считалось зазорным. Жадничать как-то мало кому приходило в голову – куда пойдешь сам, когда в три дня прогуляешься до последней горсти крупы?

Хорошо оттачивался и генетически заложенный навык, отраженный в поговорке про голь, что хитра на выдумки! Пока кое-кому, знакомому мне со студенчества, вспоминается с ужасом пшенная каша, сваренная на полуфабрикатном порошке для какао (там уже были в составе сухое молоко и сахар), мне мерещится страшное блюдо, придуманное моими соседками по комнате: отварив макароны, они обвалили их в шпротном паштете и обжарили на льняном масле (одна из барышень грешила живописью)...

Еще в первый мой вечер в общежитии к Гале Ивановой пришел в гости молодой человек маленького роста, с бородой и искрометным чувством юмора. Так я познакомилась с боливийцем Рамиро Риверо – мастером испанской гитары, звон которой уносил по ту сторону – то ли океана, то ли всей нашей обыденности... Оказалось, что Рамиро – часть того латиноамериканского студенческого братства, наличие которого очень украсило жизнь в разлуке 90-х. Ребята были настоящими специалистами по праздникам – с музыкой и танцами, от которых взлетали обломки паркета, со стихами, что колумбиец Мануэль исполнял под аккомпанемент гитары того же Рамиро, с забористыми шутками. Пили они, конечно, много, но и в самом развеселом виде оставались отменно вежливыми и внимательными. Некоторые женились на русских девушках, и по общежитию, случалось, бегали очень красивые дети!

Самая же интересная, хоть и печальная, история про детей имеет не латиноамериканский колорит – она про брошенного с двумя малышами африканского студента...

Генри у нас славился как великий поклонник женской красоты, пока в его жизни не появилась некая Света, а вскоре – и двое мальчишек-погодков, Том и Генри-младший. Былой ловелас превратился в образцового семьянина, но, видимо, выбор его был ошибочным: когда младшему исполнилось четыре месяца, молодая мать пустилась в искания лучшей жизни, бросив детей на мужа-пятикурсника и оборвав все связи с собственными родителями.

Растерянный отец был таким трогательным в своих стараниях в уходе за детьми, что это вызвало сочувствие у женской половины студенческого сообщества. В общем, кудрявый Том пошел по нашим неопытным, но заботливым рукам – водили гулять и купали, кормили и укладывали на дневной сон, читая сказки. Длилось это пару недель, пока на помощь к брошенному выпускнику не приехали теща и тесть и не забрали своих темнокожих внуков к себе – на время ли, пока Генри разбирался с учебными делами, насовсем ли – неизвестно...

Составляя рабочие программы учебных дисциплин последних времен, мы столкнулись с интересным пунктом под названием «Книгообеспеченность»: теперь мы не можем включить в список источников книгу, экземпляров которой у нас в библиотеке меньше, чем один на четырех студентов. И вот тут-то и вспоминается мне, как в летнюю сессию на третьем курсе я и две мои подруги по общежитию, решившие поддержать старинную традицию подготовки в ночь накануне экзамена по истории отечественной журналистики, обнаружили, что в читальном зале нашего корпуса кто-то до нас поживился трудами Короленко и Гиляровского...

Выход был – отправиться в Красный корпус, а время близилось к вечеру. По дороге к заветной цели мы встретили троих своих друзей-однокурсников (это были Алексей – Андреев, Лысяков и Рясков), которые как-то хитро улыбались, здороваясь с нами. В чем подвох, мы поняли, когда библиотекарьша сообщила: нужные нам книги унесли только что наши товарищи по журфаку.

Нам было нетрудно понять, кто именно унес наши книги, как и нетрудно было сообразить, как нам действовать: уединение троих друзей, решивших засесть за книгами в комнате одного из них (фамилию которого, кстати, я ношу уже больше двадцати лет!) было нарушено

самым беспардонным образом: «Ребята, с народом надо делиться добычей!». В общем, летняя ночь в компании молодых людей прошла без сна – до рассвета мы под чай коллективно изучали результаты расследования Мултанского дела, представленные Короленко, вникали в подробности трущобной жизни, изложенные Гиляровским и переносились на далекий Сахалин вместе с Чеховым... А потом пошли и сдали экзамен – почти все на пятерки! Так что официально заявляю: сила не в максимальной доступности учебных материалов (не грех ли жаловаться на нее в эпоху интернета?) или чего-то еще, а в единстве и сотрудничестве!

Испытывать острую нужду в чем бы там ни было посреди лихих 90-х (а они реально были лихими!) было невозможно! Не считалось чем-то постыдным одолжить какой-либо предмет одежды; косметика у живущих в одной комнате девочек была общей – тут впору возопить о гигиенических нормах, но, честное слово, в период, когда маска стала обязательным аксессуаром к любому костюму, времена, в которые не боялись заразиться, вспоминаются с ностальгией. И потом, это было почти как в семье, где можно запросто хлебнуть не из своей чашки!

Посуда, кстати, вольно гуляла по общежитию – если не хватало какой-либо утвари, ее одалживали у соседей. Так я однажды отправилась выручать свою кастрюлю, загостившуюся у прекрасного молодого человека из Марокко по имени Мухсин Мегади. Прямо при мне он ревностно надраил ее «Тайдом», чтоб вернулась к хозяйке чистой! Возмущаться, что стиральным порошком моют посуду, я не стала: раз уж крем для ног иногда шел на лицо (что раздобыли, тем и пользовались!), а крем для лица отлично годился для создания мокрого эффекта на волосах, то отчего не проявить фантазию в средствах для хозяйства? И, когда я вижу в социальных сетях фотографии своих однокурсниц, прекрасных и успешных женщин, добившихся высот профессиональной карьеры, я вспоминаю, как кого-то стригли тупыми портняжными ножницами, кому-то крутили кудри раскаленной отверткой, а кто-то добавлял в тени для век серебрянку...

И все это было частью атмосферы пространства, память о котором хранит картинка в духе киноандеграунда. А люди, с которыми на крыше сочиняли стихи и отработывали навыки фотографирования, читали запоем и слушали отечественный и зарубежный рок, передавая из рук в руки кассеты, думали о собственном будущем и о будущем страны, которая переживала перерождение, останутся в памяти

легкими тенями, узор из которых не сотрет никакое время. Кто-то из них в Москве, кто-то в Мексике, кто-то в Европе; иные совсем рядом, а кого-то уже и нет. А там, где были мы, разворачивается жизненное и творческое пространство уже других людей. И об этом тоже когда-нибудь напишут!

С Яя Канате

Как мы с Павлом Селиным «на троих соображали» (одно интервью, два журналиста и три собеседника)

Тележурналист Павел Селин приехал в начале сентября 2017 года на пару дней в Воронеж, чтобы выступить на Медиафоруме, увидеться с друзьями и съездить в Старый Оскол – на малую родину.

Договорился встретиться с Павлом в гостинице «Бенефит Плаза», где он остановился.

Двадцать минут ожидаю у входа. Наконец выбегает – с телефоном в руках и набирающим мой номер.

– Ночью встретил людей, с которыми работал на НТВ ещё в девяностых, – объясняет задержку и улыбается, – это имело последствия и закончилось в районе семи-восьми утра...

Проходим в летнее кафе в десяти метрах от нас – пустое. За исключением одного столика, где «приспал» загулявший клиент: откинулся на спинку кресла, дремля над стаканом виски – большой, с бородой, в очках.

Устраиваемся за столиком по соседству. Хорошенькая официантка приносит нам заказ. Селин благодарит и добавляет:

– Вика, вы сегодня потрясающе выглядите!

– Павел, – начал интервью и замялся: как обращаться к своему герою – известному журналисту, ведущему федеральных каналов, который старше тебя в два раза, – на «ты» или на «вы»? И он догадался:

– Всё нормально, тёзка, – давай на «ты».

ВГУ

В начале девяностых в Воронеже существовал один-единственный канал, на который попасть было почти нереально – Воронежская государственная телерадиокомпания. В те годы на журфаке ВГУ, где учился Селин, не было телевизионного отделения, как сейчас – была лишь старенькая телестудия, где сидел легендарный Виктор Иванович Золотарёв – бывший главный режиссёр воронежского телевидения. Селин зовёт его «телеучителем».

Факультет, признаётся Павел, дал ему возможность иметь друзей и приятелей по всему миру. И всё же лучший друг – режиссёр факультетской телестудии Валерий Заборовский.

– Это мой кореш по жизни, – улыбается Павел, – именно он взял меня на «Воронежские новости».

Так в 1992 году второкурсник Селин попадает на областное телевидение. Работает бесплатно – за обещания, что после учёбы его примут в штат. За четыре года прошёл путь от стажёра-внештатника до ведущего и руководителя телепрограммы «Воронежские новости».

– Мне было тогда 22 года, – вспоминает Павел, – я был уже ведущим новостей и руководил коллективом, состоявшим из взрослых людей, которые казались мне бабушками и дедушками.

В 1997 Селин впервые делает сюжет для московского федерального канала. Это был «Поток» – региональный проект телеканала «Россия».

– И в какой-то момент появляется НТВ, – вспоминает Павел. – У них тогда не было ни постоянного корреспондента, ни внештатника в Воронеже. А я очень хотел работать именно на НТВ. Тогда – либеральном и остром канале.

НТВ

И Селин становится корреспондентом НТВ по Центральной России.

– Мы ушли из «Воронежских новостей» вместе с оператором Олегом Золотарёвым и стали делать сюжеты для НТВ из Воронежской, Белгородской, Курской, Орловской, Саратовской и Тамбовской областей. Жили в дороге. Наш абсолютный рекорд: 36 сюжетов в месяц.

Павел просит официантку убавить музыку в кафе, как вдруг нас окликает загулявший клиент:

– Друзья!

Как будто просит разъяснений.

– Если вам нужна музыка, ради Бога, только у нас с коллегой интервью, поэтому мы просим чуть её убавить, – объясняет Павел.

– Да мне не музыка нужна, мне общение нужно!

– Я не буду мешать! – загулявший клиент подсаживается к нам за столик.

Знакомимся – нашего «третьего» зовут Андрей.

– Дело в том, что я из глубинки, напился и теперь мне просто хочется общения, – объясняет свою ситуацию Андрей. – А вы?

– А я журналист РБК, НТВ, Russia Today и так далее Павел Селин. У коллеги задание – взять у меня интервью. Когда журналистам не о чем говорить, они берут интервью друг у друга.

– А я бывший офицер, пограничник, а теперь «колхозник». Родился в Кисловодске. Окончил Голицынского пограничного училище, потом служил во всяких там пограничных войсках... А сюда приехал

из Красноярска и теперь занимаюсь фермерством – «латифундист». У нас семь тысяч гектаров земли...

– Андрей, с вашего позволения мы продолжим, – окорачивает Павел.

– Конечно-конечно! – машет руками Андрей и в следующие несколько секунд пытается выговорить слово «интервьюируемый».

Новый судьбоносный поворот ожидает Селина в 2001 году: должность корреспондента и директора представительства НТВ в Белоруссии.

Оппозиционные митинги, уничтожение газет и каналов, аресты журналистов – всё, что в начале 2000-х сотрясало внутреннюю политику Белоруссии, Селин добросовестно освещал. Естественно, это не нравилось президенту страны Лукашенко. За два года работы в Минске у Павла накопились предупреждения от белорусского МИДа. Финалом противостояния стали похороны в 2003 году Василя Быкова, покинувшего страну из-за политики «батьки».

– Так вышло, – рассказывает Павел, – что Быков приехал на родину решать бытовые вопросы – и умер. На его похоронах было очень много людей. С гроба сорвали флаг. Я обо всём этом рассказал в сюжете, что вызвало недовольство белорусской власти.

Когда сюжет вышел в эфир, Павлу позвонил и объявил о депортации лично министр внутренних дел Белоруссии В. В. Наумов.

– В 24 часа мне пришлось покинуть страну. Мы не успели даже вещи собрать, – замечает Селин.

Вспоминая самые острые эпизоды за двадцать лет журналистской практики, Павел рассказывает о сюжете про иркутский наркотрафик:

– Однажды меня чуть не убили на съёмке в Иркутске.

Две недели журналисты провели в самом криминальном районе города – Рабочем посёлке. Тогда, в середине нулевых, там на каждом углу можно было купить героин. Вместе с «завязавшими» наркоманами, под видом пасторов-евангелистов, команда Селина ездила по наркоточкам со скрытой камерой, детально фиксируя процесс продажи наркотиков. Бизнес курировала «братская мафия». Героин продавали цыгане.

– И во время одной из съёмок к нашей группе подъехала цыганская наркобаронша, – рассказывает Павел, – она подозвала к себе моего оператора Славу Дергачёва, который был со скрытой камерой.

Поглядев в глаза оператору, наркобаронша сказала:

– А ты же не евангелист.

С чем Дергачёв, прошедший две чеченские войны, безоговорочно согласился. И на вопрос цыганки: «А кто ты?», спокойно и честно ответил, что он – телеоператор.

Павел Селин с привычным микрофоном

Когда вокруг команды журналистов стали смыкаться ряды ребят с большими ножами, Павел закричал:

– Слава, бежим отсюда!

– Сюжет в итоге получился, – заключает Селин, – он вышел на НТВ в «Программе Максимум», в серии расследований про наркотрафик, который шёл из Афганистана через Таджикистан и Сибирь. А Иркутск был «перевалочным пунктом».

НТВ – «Последнее слово»

В 2010-м на НТВ открывается ток-шоу «Последнее слово», ведущим которого становится Селин.

Прожила программа год и один месяц – последняя запись, ставшая причиной закрытия, в эфир так и не вышла.

Это был 2011 год – разгар событий на Болотной площади. Тогда в студии «Последнего слова» собрались участники политического процесса – в том числе представитель тогдашних российских националистов Иван Миронов. Его оппонентом выступил писатель Эдуард Багиров.

Багиров схватился с Мироновым. Ситуация в студии накалилась. Завязалась драка.

...А потом была закрыта и сама программа – Павел уходит с канала окончательно:

– Из зелёного шарика НТВ, бывшего олицетворением свободы слова в стране, решили сделать «политически правильный» канал.

– А я с тобой не согласен, – полемизирует Андрей.

– Но это моё интервью, – балансирует Павел, – и мы с тобой поспорим, когда оно закончится.

– Другого выхода просто не было! – утверждает Андрей.

– Выход есть всегда.

РБК

Селин становится «вольным стрелком» – работает одновременно на разных каналах.

В определённый момент рассказа Андрей вдруг снова спрашивает:

– Слушай, никак не пойму – где я мог тебя видеть? Ты выступал что ли где-то?

– Ну... РБК ты никогда не смотрел? – скрывая улыбку, спрашивает Павел.

– Да я редко смотрю телевизор...

– Поэтому как ты мог меня видеть?

О своей четвёртой записи в трудовой книжке Павел говорит так:

– РБК был единственным тогда относительно свободным от цензуры федеральным каналом. Программа «Истории Дня» на РБК была для меня одной из лучших в жизни. Это была ничем, кроме законодательства и чувства меры, не ограниченная журналистика. К сожалению, можно теперь сказать, что это была команда мечты – программу закрыли. РБК тоже меняется – в связи со сменой владельца и руководства.

Рейтинги «Историй Дня» были самыми высокими на РБК. Программа пользовалась успехом, её создателей приглашали на «Эхо Москвы» – в эфир популярной передачи «Телохранитель».

– Если быть объективным, – рассуждает Селин, – то состояние нынешней журналистики напоминает слова Э. Радзинского о семидесятих годах в СССР: «Гласность в темноте».

– У нас вроде бы свобода слова есть, а вроде бы её и нет, – опустил голову захмелевший Андрей.

– У нас свобода есть, а слова нет.

– А ты желтухой не болел? – спросил Андрей.

– Слава Богу, пронесло.

– А я – два раза! Приехал из Таджикистана – весь жёлтый...

– А я – за качественную журналистику нормального цвета.

Павел Селин в очередной командировке

Russia Today

Работая на Russia Today, Селин участвовал в съёмках 25-серийного документального фильма «Испытано на себе. Будни армейской службы». Сюжет в том, что два ведущих, совершенно «гражданских» человека – Павел Селин и участница команды КВН «Сборная Мурманска», «гламурная девочка» Анна Неделько – попадают в армию. В элитные подразделения. И – за восемь месяцев объезжают восемь воинских частей.

– Аня оказалась настоящим железным дровосеком и заплакала за всё время съёмок только два раза, – делится Павел, – первый из которых был в Таджикистане, на нашей 201-й военной базе, а второй – во время школы выживания в Мулино, в Нижегородской области.

Показывает два фото. На первом «камуфляжная» Аня обворожительно смеётся.

– Ой-ой-ой! – вертит головой Андрей. – Я бы тоже с ней Крым и рым прошёл!

На втором «камуфляжная» Аня отчаянно плачет.

– Это после прохождения «психополосы», или, как её ещё называют, «тропы разведчика», – поясняет Павел, обращаясь к Андрею. – Ну ты же был там, старик!

– Да-а, – подтверждает тот, – я же там служил! Это граница с...

– Афганистаном! – произносят в голос.

– Там воду пить нельзя, дружище, – Андрей поднимает вверх указательный палец. – Там воду пить нельзя ва-об-ще!

За восемь месяцев ведущие и их съёмочная группа проехали от Кольского полуострова до Таджикистана, через космодром Плесецк, Каспийскую флотилию, Владивосток, нижегородские леса и Новороссийск. Там, в полной боевой готовности, Павел встретил новый 2017-й год:

– За время этих съёмок я стал лучшим специалистом по доставанию заклинившего патрона из затвора автомата, потому что делал это тысячи раз с моей замечательно соведущей, у которой заклинивал патрон в автомате каждый раз ровно через день – просто-напросто не хватало силы передёрнуть затвор автомата.

– Ты пойми, дружище, главное, – добавляет Андрей, – в армии ты не один, а в команде. Если кому-то плохо, ты должен тащить его на себе.

– А мы и тащили – мы тащили и нас тащили.

Во время перехода через пропасть тридцатиметровой высоты Селин повис на тросе и не смог добраться до конца – из пятидесяти метров не дополз четырёх.

– На мне было двадцать килограмм амуниции, – рассказывает Павел, – у меня просто разжались пальцы. Я повис вниз головой и начал терять сознание, потому что кровь прилила к голове. Да ещё вниз тянет.

Отказал страховочный трос, и Селина никак не могли вытянуть из пропасти. Начали кричать, чтобы он подтянулся на руках – иначе не вытащить.

– Из последних сил я подтянулся ещё на два метра вперёд, каким-то чудом поймал брошенную мне верёвку и навязал себе на руку, за которую меня и вытянули в бессознательном состоянии.

Российская Федерация

Когда речь заходит о родине, Павел говорит:

– Я пробовал жить в другой стране – не получается. Через месяц становится скучно. Осознаю, что там я не могу спокойно посидеть в

кафе, за душевным разговором, с незнакомым мне человеком – как сейчас, например.

Звонок. Павел поднимает трубку. Это – Валера Заборовский. Селин обещает встретиться и смотрит на часы:

– Ребята, мне пора в Старый Оскол.

Официантка Вика приносит счёт, но Андрей берёт расходы на себя. («Паратов», – шутит полушёпотом на ухо Селин.)

Когда мы расстались с Павлом, Андрей ещё долго пытался понять – почему я, журналист, брал интервью у журналиста? Он действительно такой известный? А если да, то кому? Андрей вспомнил сказанные в шутку слова Селина:

– Тебе придётся принять тот факт, что я один из самых авторитетных выпускников журфака ВГУ.

Андрей задумался: «Может, не зря и я свою дочь хочу отдать на журфак?»

– Журналистика – это свобода выражения своего мнения, – долго, упорно и почти вятно повторял Андрей.

– Главное, чтобы было, где выражать, – уточнил я.

Но Андрей как будто меня не слышал, твердя, что это – уже другая история. Он откинулся на спинку кресла и снова заснул.

Первая во всем. Мария Лепилова

Годы учебы на журфаке для меня навсегда связаны с несколькими людьми – пятью-шестью, не больше. И Маша Лепилова, безусловно, главная из них. Моя близкая подруга со студенческой скамьи, одно время – коллега в газете и, наверное, самый яркий, незаурядный человек в моей жизни.

Она не ходила в «воскресную школу журналистики» к Эмме Афанасьевне. Вместо этого училась на рабфаке. Подготовительные курсы были платными. Семья, в которой помимо Маши было еще четверо детей, их не потянула. (И для меня Маша навсегда останется единственным знакомым человеком, учившимся там. Ни до, ни после я не встречала рабфаковцев. Разве что на картине Иогнасона «Рабфак идёт».)

Мы познакомились на практике в августе 1997 года. Та практика не имела никакого отношения к журналистике и была «трудоной». Неде-

ли за две до начала сентября мы, уже зачисленные в студенты, приходили на факультет и выполняли задания Виктора Владимировича Гаага – убирали и мыли в основном. И вот он посылает меня красить в черный цвет планки, которыми впоследствии укрепили учебные столы и лавки около пола. Подхожу к раскрытой двери нынешней 115 аудитории и вижу девицу со светлыми кудрявыми волосами, спадающими почти до локтей. А перед ней – причудливый лабиринт из уже покрашенных деревяшек. Так необычно она разложила их для просушки, решив отвлечься от монотонной работы. Маша сидит

Маша всегда была солнечной

на стуле, отдыхает и любуется своей своеобразной задумкой. Несколько месяцев спустя я узнаю, что она учится в художественной школе, прекрасно рисует и обладает оригинальным, как говорят в артистической среде, «глазом».

Мне кажется, в студенческую пору ее любили все. Она была популярна.

Годы спустя после окончания журфака случайно встреченные на улице однокурсники частенько начинали разговор с фразы: «А я недавно Машку видел». Она все еще оставалась интересной для всех нас.

Лекторы, задавая вопрос аудитории, искали глазами именно студентку Лепилову – она не робкого десятка, себя не стеснялась, в отличие от многих из нас, и нередко давала интересные необычные ответы. Александр Тихонович Смирнов дарил ей кисти и краски. Эмма Афанасьевна Худякова каждые выходные приглашала к себе, кормила и поила чаем с пирогами собственного изготовления. Вадим Георгиевич Кулиничев останавливал в коридоре и о чем-то подолгу беседовал с ней.

Наша дружба началась не сразу. Но не замечать Машу было, конечно, нельзя. Помню, например, песенный номер, подготовленный моими однокашниками-первокурсниками на День факультета 1997 года. Концерт в 130-ой. На сцену выходит человек восемь, в числе которых Мария, – в «хор» свою любимицу пристроила Эмма Афанасьевна, убежденная, что хороший студент должен обязательно участвовать в общественной жизни. Маша в ярко-алом платье и высоких рокерских ботинках «мартенсах». Поет громко, явно старается – ее слышно лучше остальных. Но при этом – отчаянно фальшивит! Вокал, увы, не был главным Машиным достоинством. Хотя она любила и хорошо знала всю рок-музыку от «классики», панка до гранжа и «альтернативы». Зал пытается быть снисходительным к артистам, вежливо вслушивается в текст и мелодию. Но вскоре это становится почти невозможно: голос Маши все отчетливее отделяется от слаженного звучания товарищей по сцене. Поначалу кто-то морщится и шепчет что-то наподобие «могла бы и потише», «музыку, что ли, не слышит?!». Потом на лицах людей появляются улыбки, они становятся шире и шире. Улыбается со сцены, почти смеется подыгрывающий «хору» на гитаре второкурсник Андрей Ермаков. Певица в алом платье этого не замечает и усердно продолжает выводить свое соло! Публика все больше возбуждается. И вот – момент триумфа (но не провала)! С галерки кричат: «Маша, давай!» Она поднимает глаза выше и посылает всем благодарную обаятельную улыбку... Сцену артисты покидали

под бурные аплодисменты. А Мария с этого момента превратилась в одну из студенческих легенд факультета.

Наша дружба началась во время первой сессии. Предстояло сдавать В. Г. Кулиничеву «Теорию и методiku журналистского творчества». Учебников по предмету – тех самых, до сих пор любимых студентами коричневых книжек Е. П. Прохорова – в библиотеке было ровно вдвое меньше, чем нас. Один экземпляр выдавался на двоих. Их еще в начале семестра забрали самые реактивные. Маша всегда была в их числе, я – никогда. Поэтому и осталась накануне экзамена один на один со своей тетрадью. А на лекциях, как известно, охватить все вопросы сложно. Часть тем рассчитана именно на самостоятельную работу студента.

Звоню одному однокурснику, другому, третьему – извини, отвечают, сами горим, ничего не успеваем выучить.

Наудачу набрала и Маше Лепиловой. Она была в самом конце моего списка – всю первую учебную осень мы лишь изредка перекидывались дежурными фразами в коридорах или столовой. В то время как те, к кому я обратилась в первую очередь, были мои одноклассницы или друзья. Но именно Маша через полчаса после созвона сидела у меня в комнате. Принесла и учебник, и уже готовые письменные ответы почти на все вопросы из экзаменационного перечня. Она училась очень хорошо, всегда честно и добросовестно. Помню, еще удивлялась: почему никто не поделился со мной «Прохоровым»?! В библиотеке-то, мол, подчеркнули, что выдают одну книгу на двоих. Чувство справедливости всю жизнь в ней было громким и искренним.

Жадность ей была чужда. Выросшая в многодетной семье, она охотно делалась с другими всем, что у нее было.

А было у нее и несколько настоящих сокровищ! Главное из них – кожаная куртка «косуха». Вся в посверкивающих металлических кнопках, заклепках и молниях! Писк рок-моды конца 90-х! Ее Маня привезла из Америки, где оказалась по школьному обмену. Попала в группу с детьми из обеспеченных семей, потому что заокеанская принимающая сторона потребовала: в российской делегации должны быть, говоря официальным языком, представители различных социальных групп.

«Косухи» же на журфаке в те годы были только у двоих, помимо Маши, – у нашей одногруппницы Юли Овечкиной (поездку в США она выиграла в сложнейшем языковом конкурсе) и ее друга-страшекурсника Славика Губина по кличке «Сэм» (откуда у него – не знаю, как не знаю и того, сумел ли этот развеселый панк закончить наш факультет).

Так вот, Маша всегда легко могла одолжить свою рокерскую куртку почти любой попросившей ее об этом. И безо всяких там «только смотри: чтобы аккуратно». Как мне рассказывала Манина школьная подруга, многие их одноклассницы не по одному разу «выходили в свет» в этой легендарной «косухе». Ну, и мне пару раз посчастливилось.

С юности Мария знала немало интересных, необычных людей. Ее тянуло к ним, а их – к ней. Пожалуй, никогда потом квартира моих родителей, с которыми я еще жила в студенческие годы, не знала такого количества самобытных гостей. Маша, как правило, приводила всех ко мне. Воронежские музыканты и фотографы, ее друзья-художники. В мир местных журналистов меня тоже когда-то ввела она: на концерте «Коррозии металла» весной 1998 года познакомила с несколькими «звездами» тогдашней местной прессы.

По вечерам в гостиной по видеомагнитофону моих родителей мы смотрели лучшие фильмы и концертные записи конца 90-х – начала нулевых. Многие я люблю до сих пор: «Ускользящую красоту» Бертоллучи, «Три истории» Муратовой, «Мертвеца» Джармуша, «Дорз» Стоуна, «За облаками» Антониони, Ника Кейва, «Депеш Мод» и «Металлику». Теперь они превратились в машину времени, уносящую меня в мою юность и в те наши чудесные сумерки. Видеокассеты нам регулярно поставляли необычайные Машины знакомые. В большинстве пунктов кинопроката тогда такое редко встречалось – были только американские боевики или ужасы. Некоторые фильмы мы с Машей

Маша могла работать в любых условиях

приносили в творческую лабораторию по критике ко Льву Ефремовичу Кройчику и Наталье Николаевне Козловой. И как помнится, ни разу они не упрекнули нас в отсутствии вкуса.

Смелая, веселая, шумная Маша легко могла растрогаться от сентиментальных сцен в фильме и так же до слез смеялась во время сцен комических. Как завороженная смотрела фильмы Андрея Тарковского на ретроспективах в старой «Юности»...

В журналистской профессии она была такой же, как и в учёбе – быстрая, ответственная, исполнительная. Всегда с огромным ворохом тем и идей для публикаций. С большим запасом интересных персонажей и поразительных жизненных историй, о которых, как ей казалось, нужно рассказать в СМИ. Никогда не нарушающая сроков и оперативная. Владимир Лавров, учившийся на четыре курса старше нас, в бытность свою фотокором газеты «Моё!» снял Машу пишущей материал в театральной гримерке на гладильной доске – работать она могла где угодно. И это не отражалось на качестве.

Последние десять из 40 своих лет она боролась с тяжелой болезнью. И это было так необъяснимо, неправильно, нелогично: человек, в ком энергия, казалось, была самым ярким сильным фонтаном, вдруг начинает постепенно угасать. Жизнь выскальзывала, просачивалась непослушным песком сквозь пальцы. Поначалу со свойственной ей активностью и оптимизмом, потом с упорством, под конец – с надеждой на чудо Маша сражалась. И мы восхищались, насколько стойкий это боец! В ее проигрыш никому не верилось до конца.

Ходя адовыми кругами по поликлиникам, больницам и диспансерам, будучи уже глубоко больной, она возвращалась в редакцию с новыми темами, заявками на проблемные материалы, предлагала новых героев для публикаций – таких же бойцов, каким была сама. Что-то было написано и опубликовано. Но некоторые тексты так и остались в черновиках. Чиновники от медицины нередко отказывались от комментариев или затягивали с ними настолько, что фактура в материале теряла актуальность и требовала неоднократного обновления...

Мария Лепилова во многом была первой на нашем курсе. И я не только о том, что она училась на «отлично». Она любила первой зайти на экзамен, хотя большинство предпочитало постоять за дверью, разведать настрой преподавателя, узнать номера вытянутых билетов. Первой шла в библиотеку и прочитывала все заданные произведения. На пресс-конференциях первый вопрос спикеру тоже нередко поступал от нее... И первой с нашего курса ушла она.

Уроки «воскресной школы». Эмма Афанасьевна Худякова

Придя 15-летней школьницей на журфаковские подготовительные курсы, которые проходили по воскресеньям, я не имела никакого представления о журналистской профессии. Конечно, иногда посылала истории из собственной жизни и рассказы в «Пионерскую правду» или на полосу «Алый парус» в «Комсомолку». Конечно, восхищалась звездами тогдашнего телеэфира Татьяной Митковой и Светланой Сорокиной и была уверена в том, что их работа – лучшая в мире. С интересом читала публикации в «Огоньке», «Литературной газете» и «Новом мире» – их подшивки собирались в нашей семье с конца восьмидесятых. Но даже не представляла, что это все – часть журналистского мира.

С различными гранями этого явления нас знакомила Эмма Афанасьевна Худякова в «воскресной школе». Обращала в свою журналистскую «веру». И то, что я, мечтавшая о факультете романо-германской филологии или филфаке, пошла в итоге учиться на журналиста, было полностью ее заслугой. И более того, полностью предопределило мою судьбу. За что я ей очень благодарна!

Сочинения Эмма Афанасьевна учила нас писать не обычные. На школьные размышления по поводу прочитанных литературных произведений они похожи не были. Успех здесь зависел не столько от твоего читательского опыта, сколько от непосредственного жизненного. Его-то у меня и не было. Мои сочинения на «творческие темы» вроде «А вот еще был случай!» или «Живет такой человек» категорически не удавались. Не имея, как мне казалось, в запасе реальных историй для них, я начинала отчаянно выдумывать. Мудрая Эмма Афанасьевна, конечно, чувствовала это и на протяжении нескольких месяцев ни разу не прочитала вслух моих текстов. Хотя каждое наше занятие начиналось именно с зачитывания на аудиторию лучших работ. Неоднократно были явлены миру сочинения всех моих подружек и приятелей по курсам. Мои же опусы преподаватель долго обделяла вниманием.

После этих «читок» Эмма Афанасьевна всегда переходила к рассказам о своей жизни. О войне или годах журналистской работы в газете «Молодой коммунар». Реже – об учебе в университете. А рассказчиком она была великолепным – артистичным, эмоциональным, со своеобразным чувством юмора. Мы всегда слушали ее затаив дыхание. Когда говорила о военной поре и тяжелом голодном детстве, на которую оно пришлось, в ее глазах стояли слезы. Навсегда в память врезалось слово «тошнотики». Впервые употребив его в разговорах с нами, Эмма Афанасьевна увидела в группе улыбки. Но сама вдруг по-

мрачнела: так они с сестрой называли подгнившую или перемерзшую картошку, которую удавалось найти на мусорке среди пищевых отходов. Дома мать отваривала ее, получившееся блюдо имело тяжелый запах, потому и название имело такое. Но есть, говорила Эмма Афанасьевна, хотелось так сильно, что и «тошнотики» быстро уничтожались. Как многие дети военной поры, она воспитывалась без отца.

Искренне смеялась, вспоминая себя молодой девушкой, принятой в газету в

отдел криминала. И грубая нецензурщина из уст блатных героев будущих публикаций повергала её в глубокий шок. А некоторые непонятные словечки она просила их разъяснить.

Я не сразу поняла, что это были не просто забавные или грустные байки из жизни преподавателя. Эмма Афанасьевна рассказывала истории, которые могли стать примером сюжета для очерка, зарисовки или – в нашем случае – сочинения на творческую тему. Достаточно покопаться в памяти, взглянуть на судьбы, жизненные истории своих близких – хотя бы членов собственных семей. Или приглядеться к характерам друзей-приятелей. Увидеть за их достижениями и драмами типичные для наших ровесников трудности и радости, всмотреться повнимательнее в свое поколение. Так Эмма Афанасьевна учила нас быть вдумчивыми и внимательными. Для журналистов это важно.

Еще она учила нас дружить.

На праздники в нашей «воскресной школе» она устраивала чаепития. Каждый из нас приносил из дома что-нибудь сладкое и угощал остальных. И сама выставляла своё варенье и выпечку. На этих посиделках мы очень сдружились с будущими сокурсниками. Почти все мы, слушатели ее «воскресной школы журналистики» 1996-97 учебного года, поступили на факультет, вместе и дальше отмечали все праздники, старались держаться друг друга и после выпуска.

Помню, 8 марта 1997 года. Мы сидим на кафедре теории и практики журналистики, которая располагалась в нынешней 202 аудитории. Эмма Афанасьевна разливает нам заварку, а помогает ей китайский студент по имени Джан – разбавляет кипятком. Чашки по цепочке передаются на дальний конец сдвинутых в одну линию столов.

– Давайте позовем Джана к нам за стол! – предлагаем все мы. Немного неловко оттого, что этот парень в буквальном смысле обслуживает нас. Да и мало кто видел раньше китайцев, что называется, «живьем». Настоящих, из-за границы. И уж тем более, немногие имели шанс поговорить с ними. Эмма Афанасьевна, закончив разливать, садится к нам сама и предлагает присесть Джану. Но тот стесняется, вежливо улыбается и отказывается.

– Робкий очень, – говорит она.

Потом рассказывает, что это добрый и отзывчивый парень помогает ей по хозяйству... Говорили, что в прошлом Эмма Афанасьевна пережила неудачный брак, и после замуж больше не выходила. Ее семьей стал журфак. Она всегда поддерживала талантливых студентов и всячески помогала тем, кто жил стесненно в материальном отношении. Дарила им тёплое, человеческое отношение.

Она учила нас честности.

Враньё не переносила. Это я почувствовала еще на подготовительных курсах. Выше я написала о том, как Эмма Афанасьевна молча откладывала в сторону мои высосанные из пальца «творческие» сочинения. Но как только я начала говорить в них о своем деде-фронтовике, дяде, учившем африканцев в объятай огнем Анголе, или трагически утонувшей подруге детства, и мои работы тоже начали зачитывать публике. Так Эмма Афанасьевна внушила мне важную мысль, которая без преувеличения может быть названа частью нашего профессионального кода – в журналистике не должно быть выдумки или лжи. Только факты и наши размышления о них, трактовка.

Неправды не должно было быть и в отношениях с самой Эммой Афанасьевной даже в мелочах. Не прочитал заданной книги – «зачета» не получишь. Не ходил на лекции или ходил, но не писал – тоже «незачет». И ни разжалобить, ни переубедить ее было невозможно. Честно сделаешь всё от и до – тогда получай! Правило, единое для всех. Добросовестные студенты сдавали Эмме Афанасьевне легко и быстро. Остальные могли ходить месяцами, пересдавать полтора десятка раз и даже больше.

Зато такие уроки надолго оставались в памяти нескольких поколений студентов. Как и сама преподавательница – честная и принципиальная, но при этом такая открытая и человеческая Эмма Афанасьевна Худякова.

Журфак – в моем сердце

Говорят, что во времена кризиса истинная сущность людей становится очевидной.

Я училась на факультете журналистики ВГУ в 1990–1995 годах, и у меня была прекрасная возможность убедиться в справедливости этих слов. В студенческие годы я стала свидетелем падения СССР и всех перемен, которые это событие внесло во все сферы жизни.

Я помню, что в первую зиму после распада СССР отопление в Воронеже было остановлено на несколько недель. Приходилось ходить на занятия в пальто. Наши преподаватели подсказывали нам, как справиться с подобными трудностями, самый ценный совет – от холода нет ничего лучше русской бани. Но все-таки важнее для нас были советы, которые касались нашего профессионального будущего. Мы все тогда понимали, что важно продолжать учиться при любых обстоятельствах.

Наши однокурсники были нашей семьей. Мы устраивали вечеринки, на которых можно было отведать блюда разных стран, танцевали под музыку Латинской Америки и Африки.

Я помню многих моих друзей из Африки – мою дорогую Ивонн из Руанды, девушек из Кабо-Верде, из Индии – Видию, и Варшу, из Латинской Америки, и мою дорогую русскую подругу Людмилу Жданову, с которой мы познакомились на занятиях Эммы Афанасьевны Худяковой.

С деканом В. В. Тулуповым

Люда показала мне другую сторону жизни в Воронеже: я впервые побывала в православном соборе, драматическом театре и многих замечательных местах города. Она всегда относилась ко мне как родная.

Да, кризис показал щедрость, гибкость и креативность моих преподавателей, однокурсников и друзей.

Воронеж, наш журфак и все люди, которых я там встречала, всегда будут в моем сердце.

Воронеж на рубеже XX-XXI веков: глядя из окон журфака ВГУ

Преамбула

Восприятие событий в Воронеже 1980–2000-х годов у каждого, естественно, своё. Оглядываясь на наше недавнее прошлое, окутанное туманом корпоративной мифологии, я решил высказать ряд своих суждений, конечно же, не претендующих на истинность финальных оценок. Но и повторять прописные истины на тему «Ах, как прекрасно мы тогда жили», как молоды мы были, я не собираюсь, хотя устно высказал узкому кругу друзей свои комплименты, как это требовала юбилейная «белая ложь». Кое-что на эту тему я уже нацарапал «на заборе», в Фейсбуке, более того, кое-кто уже наброски моих мемуаров прочитал и дал мне драгоценные советы, как писать и о чем, а главное – каких взглядов я должен придерживаться... Спасибо, как говорится, на добром слове, я постарался учесть и переписать те поспешные строки воспоминаний о былом. Чуть подкорректировал оценки, убрал имена ныне живущих, особенно автокомменты из амбивалентных описаний спорных моментов.

И сегодня, осенью 2021 года, мои субъективные мнения и оценки не являются, повторюсь, окончательными. Даже для меня самого как автора. Завтра подумаю о событиях прошлого, возможно, иначе... и перепису. А пока Прошлое видится так, как я его воспроизвёл тут... Время заставляет вносить коррективы в оценки прошлого, ибо открываются новые детали, да и философия каждого нормального человека с годами меняется. Цель у меня сегодня простая, как глоток воды, охлаждающей дурные страсти. Думаю, пора дать своё понимание недавнего прошлого, чтобы было легче писать о настоящем. Надеюсь, зимой, скорее всего в следующем 2022 году, сесть и припомнить 2010-е годы...

Каким бы кратковременным ни был тот период рубежа веков, его влияние на общественное сознание еще даст о себе знать с большей силой, чем сегодня, молчание ягнят и баранов никогда не было (и не будет!) вечным, хотя, как мы говорили летом 2021 года, золотые унитазы не стареют и блестят по-старому при любой погоде... Итак, что это был за период, какой отрезок моей и нашей Жизни, если смотреть на него из журфаковского «далёка»?

Часть первая: ab ovo

Конечно, все наши маленькие события и, о чудо.., зафиксированные на бумаге приметы Великой Повседневности (это основной хлеб и скорее – сухарь) журналистики, были крепко связаны с хроникой событий в стране и даже в мире. Казалось бы, какое отношение к делам Большого мира имел наш скромный учебный процесс? Варились в своем котле, боролись за хлеб насущный, адаптировались, как могли, выживали... Но ведь всем понятно, что радикальные перемены тех лет имели глобальную подоснову и далеко идущую реверберацию: мог ли я в 1970-е годы, не будучи коммунистом, работать на журфаке ВГУ? Голову даю на отсечение – не мог! А в 1989 году внезапно даже для себя я стал преподавателем факультета журналистики, причем к тому времени я приехал из г. Запорожье, где был достаточно активным членом РУХа, о чем знал ректор Воронежского госуниверситета В. В. Гусев. Это и есть показатель перемен в обществе, которое пережило очистительную мирную революцию, давшую толчок переменам и в мире, и на журфаке ВГУ.

Глоток медийной свободы оказал немалое воздействие на нас, но в целом этот кусок истории, прежде всего истории транзита от социализма к капитализму, обернулся многомиллионными драмами и поломанными судьбами, которые я наблюдал, находясь внутри ситуации. Оказался иллюзией светлый образ Капитализма как эпохи честной конкуренции умов, инициативы и творчества масс. Не дала никакого положительного результата одобренная властью «ваучеризация», обернувшаяся грандиозным обманом народа. Крайне странным было в те годы и предпринимательство, якобы на западный манер. Да, время свободной журналистики было коротким, но отголоски того периода жизни звучат гимном в моей голове и сегодня, что требует осмысления и переосмысления, оценок и переоценок, писания и переписывания мемуаров.

О роли случая в истории спорить долго нет нужды. Я попал на журфак случайно. Приехал в Воронеж во многом из-за политики. В середине 1980-х, а это уже были перестроечные годы, я жил на Украине, в г. Запорожье, и там поддержал студентов-украинцев, задававших властям неприятные вопросы. Прежде всего, думается, я и сбегал оттуда из-за последствий дурной национальной политики КПСС. Мутный поток политических разборок, которыми я в 1980-е годы заинтересовался чисто случайно, засасывал всех равнодушных граждан, как мощный пылесос: гласность открыла неведомые социальные

шлюзы. Помню, как я с изумлением читал романы В. Дудинцева, А. Солженицына, Ю. Домбровского – в городах России всюду шли собрания, были и в Запорожье споры до драки, дебаты с матом в аудиториях, но всё равно, обсуждение прошлого и настоящего в целом шло мирно, без сапог росгвардейцев, их еще и в помине не было.

Сегодня, в сентябре 2021 года, заявляю, находясь, как ни странно, в достаточно здравом уме: в те годы гласность, как предтеча Свободы Слова, стремительно и мирно наступала, промывая мозги миллионам молчавших доселе кухонных философов, спасибо М. С. Горбачеву и его команде! Сталинизму и чекизму был нанесен удар, увы, не окончательный, но всё же. И то, что я имел к этому событию-ивенту некоторое отношение, не может не радовать. Это был апофигей!

Пишу эти воспоминания с пафосом и без всякой иронии! Свобода в России, вопреки мощнейшей тоталитарной машине, на рубеже веков наступала, коммунистическая фанаберия с трудом, но покидала наши головы и сердца. И это была мирная революция сверху! Это было на моих глазах, и разве мог я оставаться в стороне, считая себя нормальным и порядочным человеком!? Стал и я писать в конце 1980-х в газеты, кстати, неплохо подрабатывал. Писал о мелочах ежедневной жизни, о том, что думал о реформах, работал в жанре эссе. Это был апогей моей короткой журналистской биографии. Моё запорожское начальство в лице проректора ЗГУ Д. Некоза всполошилось... и, если верить слухам, связалось с КГБ. Из Украины надо было бежать. А тут вдруг подвернулась в Воронеже кооперативная квартира по сходной цене. Вскоре мы обменяли эту квартиру на недостроенный дом в с. Подгорном и попали, как и миллионы граждан, в воронку инфляции, а потом и стагфляции. А потом и долгов...А потом и операция на сердце...

Но вернемся к 1989 году. Я приехал в Воронеж летом. Написал еще весной Алле Борисовне Ботниковой, она в те годы заведовала кафедрой зарубежной литературы ВГУ, а я, будучи филологом, проработал на подобных кафедрах более 20 лет. Имел 2 книги и полсотни статей по истории зарубежной литературы в активе. Она ответила, что вакансии есть, но, когда в августе 1989 года я пришел к Алле Борисовне, оказалось, что человек уже найден, говорят, он просто уезжал в другой город, но вернулся из-за каких-то нестыкочков. Не помню точно, но помню другое. Я оказался у разбитого корыта...ведь из ЗГУ уволился, и в августе 1989 года я стал безработным – вот она роль случая!

Стал искать в вузах Воронежа работу. Моя супруга пошла в главный корпус ВГУ и записалась на приём к ректору В. В. Гусеву. Она наивно надеялась как-то меня трудоустроить, так как я хотел уже зво-

нить в Запорожский госуниверситет и просить о возвращении в тот же вуз, где и работал еще весной. В ректорате СЛУЧАЙНО моя жена встретила недавно ставшего деканом журфака Льва Ефремовича Кройчика, который позже не раз напоминал мне об этой встрече, с разными интонациями... Она рассказала о моем несостоявшемся трудоустройстве на кафедре зарубежной литературы. Лев Ефремович дал ей свой номер телефона, думаю, что он звонил А. Б. Ботниковой. Его мнение обо мне было тогда положительным, я это увидел при нашей первой встрече, где он упомянул о роли Аллы Борисовны в его судьбе! А у нее обо мне в 1980-е годы было умеренно положительное мнение. Словом, Л. Е. Кройчик предложил мне временную работу вместо уехавшей на ФПК Любови Ивановны Дзэконовой, дай ей Бог здоровья и счастья.

О Любови Ивановне. Вроде случайный человек в моей судьбе, аннет! Кроме Льва Ефремовича и лаборанта кафедры Светланы Николаевны Гладышевой, которая и сейчас читает мои мемуары, дай Бог ей сил, терпения и вознаграждения за труд, преподаватель Любовь Ивановна Дзэконова была тем сакраментальным человеком, который стал ферментом в процессе принятия моего жизненного решения о смене профессии. Она поехала на 3 месяца в Москву, отдала мне свою нагрузку по истории зарубежной журналистики и сказала: «Я с иностранными студентами не гнушаюсь пить чай... От них я узнаю больше о геополитике, чем из книг и газет...Подумай, как тут с ними надо работать». Потом она вроде бы в Москве внезапно встретила надежного человека, с некоторым запозданием вышла замуж. И не вернулась в ВГУ.

В роли рецензента

А я пошел с Л. Е. Кройчиком к ректору В. В. Гусеву и там узнал, что меня считают «руховцем» и проукраинским националистом. Без драки попал. Вроде, по словам Гусева, был оттуда звонок... Лев Ефремович помрачнел, но просьбу о моем приёме на работу не забрал, сославшись на объективные обстоятельства: нельзя было в Воронеже найти специалиста по данной дисциплине. Так я стал должником Л. Е. Кройчика и Л. И. Дзэконовой. Говорят, она живет ныне в США, но это скорее всего сплетня...

Ректор попросил меня написать весьма специфичное заявление с просьбой принять меня на 3 месяца в ВГУ, подчеркнув, что я по приказу работаю 3 месяца, или до его любого распоряжения, если форс-мажор. И я под диктовку написал, что согласен без всяких оговорок покинуть вуз, как только он скажет. Я согласился, а что было делать? Лев Ефремович тут же предложил назначить меня ответственным за состояние дел в общежитии №7, прежде всего на пятом, шестом и седьмом этажах, где расселялись наши студенты и аспиранты. Я на это тоже легко согласился, не зная о ситуации в том аду. Не мог же я увидеть даже в дурном сне убитую студентку, лежащую в ковре под кроватью... А мусор на кухнях, который убирали со студентами мои дети, а крысы, разгуливающие по этажам... О чужих людях, занимавших комнаты студентов и вовсе умолчу, чтобы не перейти на правильный русский язык...

Работа в общежитии стала в те годы главной моей головной болью. Об этом ВНЕЗАПНОМ повороте судьбы я уже писал, и не только в Фейсбуке. Но еще раз скажу, что общежитие было не только мучением и моей головной болью, позором вузовского начальства в бурные 1990-е годы, но и местом прекрасных знакомств. Например, когда я осенним вечером пришел в общежитие проверять чистоту коридоров и кухню, я засиделся до 22 часов в комнате у девчат из Латинской Америки. Подул в форточку очень холодный ветер, я стал срочно собираться домой, пожаловавшись на погоду. Марта Фонсека (по-моему, из Никарагуа или из Колумбии) сказала: «Вот Вам мой свитер, чтобы не простудились...». И сняла с себя шикарный шерстяной свитер, Бог свидетель, я его ей пытался несколько раз вернуть. Не взяла, сказала, что это её подарок! Уже в наши дни преподаватель Ю. А. Лысякова, когда я рассказывал этот эпизод из жизни, не преминула напомнить, что девушки под свитером не носили в те годы белья – мода была такая. Отвечаю всем усомнившимся: бюстгалтер под свитером был, жест девушки был предельно бытовой, в присутствии трех её подруг. Увы... Если бы ничего под свитером не было – я, даже со своим склерозом, эту деталь уж запомнил бы...

С Алани Саидом, одним из фиксаторов истории Палестины, я до сих пор в переписке, он преподает массовые коммуникации в вузе Хеврона, получает вдвое больше меня. А ведь был обыкновенным студентом, о свадьбе которого я уже писал (жена у него русская, я ее по скайпу этим летом лицезрел, прекрасно выглядит). Переписка со студентами-иностранцами до сих пор дает немало полезных сведений о СМИ разных регионов, а я преподавал и преподаю историю зарубежной журналистики с 1989 года, т.е. более 30 лет. И еще, надеюсь, буду преподавать, хотя интересы чуть сместились в сферу медиалингвистики.

Часть вторая: Кто такая Т. Ф. Лапик?

Кто такая Татьяна Федоровна Лапик? Трудно сказать. Но ее облик (не скажу, что светлый, но запоминающийся) стоит перед глазами как эмблема конца века в ВГУ. Я её толком не знал, да и знать не хотел... Случайность... Это важная деталь в моем нарративе. Событие рассказывания у меня строится вокруг деталей, случайностей и конкретных людей, а не вокруг пиаровских генерализаций и заявлений административно-философского толка...

Итак, она звалась Татьяной, наши огороды были рядом, в прямом смысле, это факт истории факультета журналистики и ВГУ в целом... Да, были у нас на журфаке рядом с корпусом огороды с картошкой. Мы с Татьяной Федоровной вместе собирали картошку, вместе ловили колорадских жуков, было это в 200 метрах от аудиторий журфака... Много нас было, таких соседей по грядкам и сослуживцев, выживавших на 6 сотках, ведущих мирную беседу о каждодневных заботах... Стоит ли тратить на такого рода воспоминания время и бумагу? Думаю, да, хотя это мелочовка. Но, как сказал поэт, голосует сердце, надо писать и о случайных людях, это тоже полезно для полноты картины, для восстановления истины о реальных событиях в вузе

Вот малюсенькая деталь в тему. Сакраментальная деталь. На стенде фотографий преподавателей журфака, где расположились (чуть было не написал – покоятся, типун мне на перо) фотографии почти всех преподавателей факультета, изображение Т. Ф. Лапик отсутствует. И это хорошо. А вот отсутствие фото Ольги Исааковны Дуровой-Рёснес – это очень плохо, потом скажу, почему. Вначале о Татьяне Федоровне. Что-то у меня с ней общее, кроме огородных дел, было. Ведь наши столы стояли на кафедре рядом, духовное опыление налицо. Она меня заразила идеей любви к начальству и сама же свою идею опрокинула в мусорный бак издержек истории. Поэтому что-то же надо о ней сказать и хорошего, хотя это дается мне нелегко. Она

рассказала мне много любопытного о начальниках ВГУ. И она мне советовала держаться подальше от Л. Е. Кройчика, которого она искренне, по её словам, когда-то любила, а потом так же сильно ненавидела. И тут я не единственный, кто способен такую диалектику понять

Воспроизведу воспоминание о конфликтах на журфаке. Я поддержал Льва Ефремовича в его войне против Т. Ф. Лапик, причем сделал это из чистой любви к истине, только этот и был мотив моей беззлобной полемики с Татьяной Федоровной. Кстати, о ее нелюбви к книгам. Я нередко клал свои книги на её стол. До того, как я высказал своё негативное мнение о её лекции, она терпела, с улыбкой возвращая учебники на мой стол. Потом, когда началась открытая пререкания между Львом Ефремовичем и Татьяной Федоровной, она не стала со мной любезничать, а на какой-то перемене сбросила решительно мои книги на пол. Кстати, я не вспыхнул, т.к. видел её правоту, но подошел и вежливо сказал, что можно было бы убрать мои вещи аккуратно, ведь я был рядом. Да, уже тогда я носился с учебниками как с писаной торбой, особенно с учебниками по истории зарубежной журналистики – это были раритеты... Ответ её был ассиметричным, в том духе, что меня Л. Е. Кройчик использует вслепую, «загребает жареные каштаны чужими руками», что скоро ему, Льву Ефремовичу, не сидеть в кресле декана, а кафедрой будет заведовать она, Татьяна Федоровна, вот, мол, потом и поговорим, кому тут место в ВГУ, а кому нет...

Я удивился её неожиданному переходу на уровень глобальной футурологии, затронула она достаточно «высокие материи», и вскоре я спросил Л. Е. Кройчика о ситуации в вузе и на факультете. Тогда я легко обсуждал с ним любые вопросы, часто сидя у него дома, за стаканом чая. Он ответил, что вопрос, «кому тут работать», по его мнению, очень злободневный. Лев Ефремович сказал, что Т. Ф. Лапик – человек в вузе случайный, что ему на кафедру её навязал ректор, которого упростила авторитетная в вузе доцент Полина Андреевна Бороздина, дальняя родственница Татьяны Федоровны. Кройчик вскоре дал мне почитать диссертацию Т. Ф. Лапик, я прочитал потом и две ее статьи. Лев Ефремович не скрывал своего удовлетворения, когда я сказал ему, что диссертация Татьяны Федоровны – это не научный труд, как и лекция, посвященная... новой редакции Устава КПСС (какое отношение к журналистике имеет эта тема!?). Кстати, о лекции: мы пришли на открытую лекцию и убедились, что Т. Ф. Лапик не видела разницы между пропагандой и журналистикой, с пафосом талдычила о переменах в партии как о пути в светлое будущее. А на дворе уже были 1990-е! Её диссертация «Становление и развитие типа регионального литера-

турно-публицистического журнала (на материале журнала “Подъем” и других изданий 20-30-х годов XX века» является примером квазинаучного графоманства. Для неё авторитетом в науке был М. Б. Храпченко, академик. А мы читали М. М. Бахтина. Кто в теме, тот поймёт разницу. Хотя чтить Храпченко это, конечно, не преступление, просто показатель интеллектуального уровня. Ведь Бахтина она не читала!

Она была к тому же плохим преподавателем, говорила на лекции как на партсобрании, не знала элементарных терминов. Она считала, что документ правящей партии – это приказ к исполнению, то, что я не коммунист – ошибка Л. Е. Кройчика и В. В. Гусева, моё присутствие на факультете журналистики – недоразумение. Сакраментальный вопрос – кому работать в вузе? И кем... – до сих пор стоит в России и в ВГУ очень остро.

Не все обрадовались тому, что в 1990 году меня провели по курсу на 5 лет, и Татьяна Федоровна была первой, кто прямо заявлял об этом. Вот ее слова, записанные мною в дневник: «Пописывать статьи в газеты может любой, а вот человек без специального образования не имеет права работать на факультете, тем более, что Хорольский приехал недавно из Украины, были сигналы о сотрудничестве Хорольского с националистами». Другими словами, Т. Ф. Лапик не лгала, когда говорила всем о своих тесных связях с ректором, о чем свидетельствовали материалы образованной В. В. Гусевым комиссии по рассмотрению ее заявления о стиле работы Л. Е. Кройчика. Со мной лично беседовал член комиссии, тогдашний декан географического факультета В. И. Федотов, мудрый, кстати, человек, мы потратили на беседу (иногда это был неспешный разговор о жизни...) 2 (два) часа. Потом было факультетское собрание на журфаке, по решению комиссии, к счастью, был сделан, вопреки желанию ректора и немногих преподавателей, финальный судьбоносный вывод: Льва Ефремовича, вопреки желаниям ректората, оправдали, несмотря на многочисленные фальшивки и пасквилы Татьяны Федоровны. Она обо всех, кто ее критиковал, активно писала доносы во все инстанции. Когда ректором ВГУ стал И. И. Борисов, он мне сообщил, что Т. Ф. Лапик уехала из Воронежа, получив в ВГУ квартиру – бесплатно... В те годы бесплатных квартир преподавателям уже почти не давали. Ей дали по благу, она мне говорила, что с Гусевым она «гоняла чай» – и это, увы, похоже на правду... Она не была ученым человеком, но и абсолютно глупой её не назовешь. Была ушлой девицей, которая, помнится, мне по-простому сказала: «тебя тут не стояло...», словно я пришел не в

вуз, а в магазин за колбасой... Увы, её колбасная идеология не была случайной ошибкой судьбы...

Да, надо в этих заметках упомянуть и профессора, доктора филологических наук Г. В. Антюхина, руководителя и косвенного соавтора диссертации Т. Ф. Лапик. Она и он не понимали, как я мог одобрять стратегию М. С. Горбачева, ну бог с ней с политикой... С Антюхиным я никогда не вступал в научные или иные споры. Он был прекрасным краеведом, знатоком местной печати, популяризатором наследия местных авторов.

Нам всем в те годы, к счастью, хватило ума не смешивать чересчур лично политику и нашу жизнь. Помню, что я написал в местной молодежной газете передовую статью «Нет места мести», где публично сказал: «Почти все коммунисты – мои братья», никого вешать на столбах никто не собирается, сказал, что я расклеивал листовки против КПСС как структуры, а не как против каких-то личностей, тем паче рядовых коммунистов, работавших на факультете и в вузе. Да и в стране было много достойных коммунистов, которые во многом были тогда правы, а сейчас могут и вовсе спросить у демократов: где же результат?

Мое толерантное отношение к инакомыслящим гражданам может подтвердить и А. П. Дробышевский, взгляды которого я не мог разделить, но работал бок о бок, плечом к плечу с ним 30 с лишним лет. Хватит ли мудрости нашим детям и внукам сейчас? Ведь тихая и пока, слава Богу, бескровная гражданская Идеиная война уже на пороге. Патриоты навалились на западников-космополитов, славянофилы пошли гурьбой на либералов, как и в лихие 1990-е.

Кстати, а может и не очень кстати – еще раз о ректоре В. В. Гусеве. Памятна встреча с ним в аудитории 130 после разгрома ГКЧП: он чуть не плакал перед нами, каялся в том, что поддержал антиконституционный заговор чекистов и других министров-силовики. Студент В. Балакин, будучи в душе большевиком, мог бы написать у себя в Орле на эту тему хорошую статью, тогда он был активным полемистом, журналистом от Бога. А может, и написал. Виктор, где ты? Замолчал, как в воду канул... Где сейчас А. Садчиков и другие участники бурных ссор и споров? – уже и не знаю, но хочу надеяться, что все живы-здоровы. Где ты, Мисюсь?

Мы тогда спорили до хрипоты о путях развития России. Мыслили глобально. Но до драк дело не дошло, слава Богу и нам. Я думаю, что история может повториться в фарсовом варианте, уже без меня, не доживу до этого дня... Но прокаркаю на всякий случай. Т. Ф. Лапик снова идет во власть!

С коллегами – А. П. Дробышевским и Н. Н. Козловой

Часть третья: Кройчик

О профессоре Льве Ефремовиче Кройчике разговор особый. Это для меня главная фигура тех лет. Я знал его лучше многих из его нынешних почитателей... Поэтому и пишу о нём спокойно, хотя и с некоторым трудом, зная то, что знаю. Было время подумать о нём после его смерти. Но вначале об О. И. Дуровой (Рёснес). При чём здесь она? Да ни при чём, просто вспомнилась... В связи не только с Кройчиком.

Жаль, что Ольга Исаковна так не любила иностранных студентов. Мы с ней на этой почве разругались, я в сердцах посоветовал ей уйти с факультета, пойти снова работать в газету, так как людей – любых – надо любить по определению, а она была, на мой взгляд, не способна на это. Увы, бытовой и расистский снобизм завел ее в пустыню одиночества. Её роман «Пустыня» (метафорическое название журфака ВГУ) я критиковал письменно и публично, но то, что она была талантлива, я, как и Лев Ефремович, никогда не отрицал. Моя жена обучала английскому языку кого-то из её детей. Ольга Исаковна жила с замечательным мужем, но бросила его, как мне говорили, стремясь к более духовной жизни. Важно то, что замуж вторично вышла за достаточно состоятельного, хотя и не очень богатого норвежца, не знаю, живет ли она с ним сейчас. Ушла из семьи и начала жизнь почти с белого листа.

Почему-то с Л. Е. Кройчиком она не ужилась, хотя тот помогал ей защитить докторскую диссертацию по скандинавской публицистике. Почему поссорились они? Вроде оба – известные литераторы, но в романе Рёснес (Дуровой) «Пустыня» в образе Вройчика выведен самый негативный персонаж, если не считать героиню, о которой речь впереди. В романе человек под красноречивой фамилией Вройчик гнобит главную героиню в корыстных целях и прочее. Написав этот роман-памфлет, автор приехала из Норвегии в Воронеж, где у неё осталась старая семья, чтобы... попросить место работы на факультете, который она облила помоями... А ведь я говорил Ольге Исааковне: «Не плюй в колодец, из которого пьёшь». Она только презрительно хмыкала... Она вообще меня считала недоумком и не очень прислушивалась к моим советам. А зря. Вот, к примеру, наш обмен репликами с ней. Она, сидя за столом на кафедре: «Ты меня критикуешь, так как видишь, насколько я умней тебя». Я ей, стоя рядом с её столом, в почтительном полупоклоне: «Ольга, окстись, я никогда никого не считал умнее себя». Она: «Дурачком прикидываешься, ну, еще поплачешь...»! Не буду продолжать этот диалог, Ольга Исааковна не выходит на связь уже много лет. Но она не раз предупреждала меня о ждущей нас катастрофе. Как в воду глядела, человеколюбивая волоокая Кассандра! Но и её скандинавская стезя понравилась только тем, кто после 40 искал себе мужа... Уж если она нашла... Именно поэтому её портрет должен быть на стенде!

Вернемся к Л. Е. Кройчику. Его я встретил первый раз в сентябре 1989 года у входа на журфак, он был в простенькой рубашке и весь в заботах о стульях, о студенческой столовой, об общежитии. Разговорились. Сразу нашли точки соприкосновения. Меня интересовала английская поэзия. Его интересовала Украина. Я, помнится, просил Льва Ефремовича пересмотреть мою нагрузку. И, помнится, говорили о спецкурсе. Он сказал, что информации в учебниках по истории журналистики о зарубежных делах мало. Посоветовал писать о публицистике западных авторов, что я и делал. Я пообещал написать пособие и сдержал своё слово... через 10 лет, но уже через 5 лет после того памятного разговора я закончил свою диссертацию о поэзии Ирландии и Англии. В 1995 году в Совете МГУ я её защитил. Незадолго до защиты по приглашению Британского Совета я посетил Оксфордский университет, где познакомился с рядом коллег, иронически отзывающихся о высшей школе РФ. Я с ними спорил. А зря. Спустя 20 лет я с грустью вспомнил об этих спорах, написал письмо Карен Хьюитт, ку-

рирующей филологов нашей страны. К сожалению, ответа не было... Уже на дворе стоял мороз холодной войны.

Я рассказал Л. Е. Кройчику, как по ночам расклеивал в Запорожье листовки против КПСС, как столкнулся, бредя по улице с ведерком и рулоном листовок, в одну тихую ночь 1988 года, с деканом филфака ЗГУ, моим прямым начальником Виктором Антоновичем Чабаненко. Он тоже стоял с ведерком и клеил листовки, но его листовки были больше националистические, против власти «русского Кремля»... Испугались оба тогда: ведь за такое сажали. Впрочем, думается, и сейчас не лучше... Мы долго молчали, потом разговорились, пожали друг другу руки, а вскоре, по рекомендации В. Чабаненко, меня послали в Киев в составе делегации местного РУХа (делегация была из трёх человек – были включены два известных борца за автономию украинской культуры и для приличия включили меня как представителя русскоязычных запорожцев!) На халяву погулял по Киеву, но был взят на заметку... Хотя документов на руках нет... Пригрезилось, вероятно...

С чувством гордости заявляю, что ко мне Лев Ефремович, в отличие от О. И. Дуровой, в прошлом веке подчас прислушивался, особенно, когда я ругал правительство за рост цен. На дворе еще гулял ветер свободы, но я сидел в читальных залах, пока ребята дербанили Россию, а дома крепко закрывал окна, боясь сквозняка и неприятностей. Но они, неприятности и их творцы, всё равно доставали всех: и молчащих, и лающих. Социальный заказ на профессоров в то время еще был, не было еще конвейера защит. На историю зарубежной литературы и журналистики был спрос. Я нашел дополнительную работу по совместительству – в пединституте, а потом еще в кооперативном институте. Продали квартиру, купили недостроенный дом, начали многолетнюю эпопею с достройкой дома, в ходе чего я заболел, и в 2003 году мне сделали серьезную операцию на сердце. Лев Ефремович и Светлана Николаевна меня навещали в областной больнице, их молитвы и заботы врачей помогли мне вернуться в строй, с гарантией на 10 лет. Прошло уже больше, есть над чем подумать.

Еще одна случайность. Л. Е. Кройчик мне, да и не только мне, говорил о своей депрессии в последний год жизни, говорил открыто, что часто воспринималось как очередная шутка. Я пытался в частных беседах успокаивать его, советовал отдохнуть. Я от души желал ему добра. Он увидел в этом покушение на святых...

Перед смертью он мне позвонил, но не успел сказать то, что напрашивалось... Уронил трубку, потом трубку ему подали, он поблагодарил меня за заботу о его аспиранте... Потом замолчал. А я... спорол

очередную чушь о своих соседях. Там как раз по соседству со мной, шли похороны... Так со Львом Ефремовичем на этой глупой ноте и попрощались, и расстались... Навечно.

Ведь он не знал, что ему осталось жить всего несколько дней. Я не знал этого тем более. Возможно, что знай мы это – разговор был бы более цивилизным, возможно и дружеским... Увы... Символичная и символическая беседа... Бог всем нам судья.

До следующего выпуска мемуаров, если повезёт.... Продолжение, хочется надеяться, следует.

Отцовские наставления

Иван Иосифович Киросиров, мой отец, – уникальный, неординарный человек. Журналист, редактор, преподаватель. Даже будучи номенклатурным работником, он действовал нестандартно, не позволял себе стереотипов в мыслях и поступках, оставался равнодушным принципиальным человеком.

Он мыслил философскими категориями и в то же время прочно стоял на земле, был практиком. Сейчас его назвали бы аналитиком и прогнозистом. Умел делать правильные выводы, четко оценивал ситуацию, а его прогнозы почти всегда сбывались, касалось это вопросов политики или какого-нибудь чисто житейского случая, связанного с конкретными людьми. Не зря к нему постоянно обращались за советом.

Мне не надо ничего специально вспоминать о нем: все стоит у меня перед глазами, как будто это было вчера. Помню мельчайшие эпизоды нашей жизни. Отец очень быстро писал статьи. Ночь, проведенная на кухне, и наутро готова статья. Я всегда мечтала так легко и аргументированно писать, но школьные сочинения давались с большим трудом, приходилось звать на помощь отца.

Отец любил писать. Это были очерки об интересных людях, о настоящих героях и профессионалах своего дела (потом многое войдет в три его документальные книги). Но больше всего он любил писать о деревне, о повседневной жизни на селе, о работе доярок и механизаторов... Крестьянин по рождению, он хорошо знал и любил сельскую тему.

Работая в газете заместителем редактора «Коммуны», а потом возглавляя всю областную печать, радио и телевидение в обкоме партии, обучая студентов в университете, он трепетно относился к газетному делу. Бережное отношение к слову, привычку к чтению восприняли все в нашей семье. Мама, которой сейчас 89 лет, до последнего времени каждый день читала газеты. Так было заведено у нас всегда, как только я себя помню. Молодое поколение перешло уже на Интернет, но, живя в разных городах, пересылаем друг другу понравившиеся статьи, рекомендуем прочесть ту или иную книгу, пусть и в электронном варианте.

А ещё отец был романтиком и приучил меня и брата любоваться природой. Он мог остановить машину, чтобы мы восхитились устьем реки, деревом причудливой формы или косяком птиц в небе. Однажды, отдыхая под Воронежем, мы набрели на целое поле ржи, она была необычно высокой, выше человеческого роста. Папа потом описал наши впечатления в статье «Красуется рожь».

Профессия журналиста позволяла прикоснуться к различным сферам жизни, узнать о самых разных профессиях, познакомиться с известными личностями. Будучи детьми, мы с братом не могли оценить масштаб людей, которые бывали в нашем доме. Позже по фотографиям, автографам и подписям на книгах поняли, что это были люди-легенды: маршал авиации, трижды Герой Советского Союза Иван Никитович Кожедуб, генерал-майор авиации, Герой Советского Союза Александр Сергеевич Куманичкин, известный советский писатель и журналист Василий Михайлович Песков и многие другие. В 1972 году отец принимал участие во встрече лидера Кубинской революции Фиделя Кастро, и в том же году шахиншаха Ирана Мохаммеда Реза Пехлеви.

Он одинаково умело владел пером, рубанком и фотоаппаратом, любил поэзию, прекрасно знал творчество писателей-деревенщиков Фёдора Абрамова, Василия Белова, Валентина Распутина. Очень любил рассказы Владимира Солоухина и Василия Шукшина, сам был прекрасным рассказчиком.

Отец был очень заботливым. Постоянно думал обо всех нас, переживал, пытался многое переложить на свои плечи. Всегда оставался творческим человеком, даже заботясь о нас.

Однажды, еще маленькой, я заболела и лежала в больнице. Чтобы поднять мой дух и чтобы я не сильно скучала, папа, работая в «Коммуне», написал со своими коллегами для меня книгу в стихах с яркими иллюстрациями, своего рода советы, как побыстрее выздороветь. Книга, изрядно потрепанная внуками, хранится дома, а заключительные строчки – «скоро смеяться будешь звонко, а пока улыбайся почаще, Алёнка» – навсегда остались в душе, напоминают о его ежеминутной заботе.

Не любил, если мы надолго уезжали или ему приходилось надолго отлучаться, писал письма, открытки, часто звонил. Его опека казалась мне тогда излишней. Помню его записки мне, уже студентке, что надо съесть на обед, что надеть, чтобы не простудиться. Очень беспокоился он о своей маме, оберегал ее. Она

жила далеко от нас, но при первой возможности папа уезжал к бабушке, отвозил ей продукты, стремился порадовать обновкой, помочь по хозяйству.

Мне было восемнадцать лет, когда отца не стало. Социально я «тянула» тогда лет на тринадцать. Надо было самостоятельно научиться жить, заботиться о маме. Очень не хватало его «излишней заботы». Теперь, когда прошло почти сорок лет с того дня, как не стало отца, я отчетливо понимаю, что все эти годы жила по его наставлениям, боялась его подвести и в большом, и в малом, строила свою жизнь так, как он меня учил, и именно это стремлюсь передать своей дочери.

Наши авторы

БА ХАРОН Абдурахман Хассан Абдурахман – аспирант кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ГЛАДЫШЕВА Светлана Николаевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ДРОБЫШЕВСКИЙ Дмитрий Александрович – кандидат филологических наук, издатель и главный редактор Портала пивного рынка Profibeer.

ЖДАНОВА Людмила Сергеевна – ведущий специалист аппарата уполномоченного по правам человека в Воронежской области.

ЛЫСЯКОВА Юлия Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ПОНОМАРЕВ Павел Алексеевич – аспирант кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета, главный редактор газеты «Воронежский университет».

САВИНКОВ Сергей Владимирович – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы Воронежского государственного университета.

СЕРГУНИНА Наталья Александровна – кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ТЕХЕДА Хименес Мария Гуадалупе – выпускница факультета журналистики Воронежского государственного университета 1995 года из Мексики, сейчас живет в г. Роли, Северная Каролина, США.

ХОРОЛЬСКИЙ Виктор Васильевич – доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики и литературы факультета журналистики Воронежского государственного университета.

ЯКУШКИНА Елена Ивановна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории философии и культуры факультета философии и психологии Воронежского государственного университета.

Оглавление

I. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ ПУБЛИЦИСТИКИ

Д. Дробышевский (Воронеж) Поиск конкурентных преимуществ при разработке формата отраслевого СМИ (на примере портала Profibeer, 2014–2021).....3

Л. Жданова (Воронеж) Институт омбудсмена в СМИи социальных сетях.....15

В. Хорольский (Воронеж) Точность в деталях и искажение общей картины мира в СМИ(о проблеме журналистского этического идеала).....19

II. ПЕРЕД ЛИЦОМ ИСТОРИИ

Ба Харон Абдулрахман Хассан Абдулрахман (Воронеж), В. В. Хорольский (Воронеж) Влияние ислама на развитие йеменского Интернета в условиях экспансии арабо-мусульманской культуры.....31

С. Гладышева (Воронеж) «Все тот же осточертевший жаргон»: И. А. Бунин о советской печати.....37

П. Пономарёв (Воронеж) Стилеобразующие черты и образ автора в публицистических работах Л. Е. Кройчика.....43

С. Савинков (Воронеж) «Неуловимый Чехов» Л. Е. Кройчика.....52

III. ВСПОМИНАЯ БЫЛОЕ

Л. Жданова (Воронеж) Журфак – место силы.....55

Ю. Лысякова (Воронеж) Есть такая нация –студенты: из воспоминаний об общежитии № 7.....61

П. Пономарев (Воронеж) Как мы с Павлом Селиным«на троих соображали» (одно интервью, два журналиста и три собеседника).....68

Н. Сергунина (Воронеж) Первая во всем. Мария Лепилова.....76

Н. Сергунина (Воронеж) Уроки «воскресной школы». Эмма Афанасьевна Худякова.....81

М. Техеда (Роли, США) Журфак – в моем сердце.....85

В. Хорольский (Воронеж) Воронеж на рубеже XX-XXI веков: глядя из окон журфака ВГУ86

Е. Якушкина (Воронеж) Отцовские наставления.....99

Наши авторы.....102

Научное издание

БЫЛОЕ И МЫ

Редактор выпуска – доц. С. Н. Гладышева
Корректоры: Т. П. Коновалова, Е.А. Ряжских
Компьютерная верстка: П. И. Новиков

Подписано в печать 27.11.18. Формат 60x84 1/16
Гарнитура Times New Roman
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Усл. п. л. 3,00 Тираж 100 экз.

Воронежский государственный университет
Факультет журналистики
394068, Воронеж, Хользунова, 40-а
Тел. (473) 274-52-71 E-mail:vlvtul@mail.ru

Отпечатано в типографической лаборатории факультета журнали-
стики ВГУ